

Вальтер Кирхнер

АЛЬБА

Железный герцог Испании

Посвящается моему брату

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. МОЛОДОСТЬ

ВРЕМЯ; ЛИЧНОСТЬ; ПРОИСХОЖДЕНИЕ; РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Герцог Фернандо Альба родился 29 октября 1507 года, вскоре после смерти Колумба. Ренессанс в этот период достиг вершины. Магеллану, Кортесу и Писарро еще предстояли их великие путешествия; Коперник, Эразм Роттердамский, Рейхлин, Макиавелли и Парацельс творили в полном расцвете сил. Мир искусства еще украшали Леонардо да Винчи и Дюрер, Рафаэль и Грюневальд, Микеланджело и Рименшнейдер. Папа Юлий II, император Священной Римской империи Максимилиан, король Испании Фердинанд и Генрих VII Английский определяли политическую жизнь, а богач Якоб Фуггер возглавлял самое могущественное предприятие столетия.

Когда герцог Альба 24 апреля 1547 года, в день битвы при Мюльберге, находился на вершине славы, Лютер уже сошел со сцены мировой истории. Кальвин и Игнатий Лойола пролагали новые пути религиозным реформам, Карл V правил процветающим государством, в Турции правил Сулейман Великолепный, в освободившейся Швеции — Густав I Ваза, в Риме — папа Павел IV. Тициан, Гольбейн и Челлини создавали свои шедевры. Рабле высмеивал ничтожество своих современников, Сервет, Агрикола и Геснер закладывали основы новых наук.

Когда герцог Альба 11 декабря 1582 года навеки закрыл глаза, только что объединившейся испано-португальской мировой державой правил Филипп II; Вильгельм Оранский держал в руках судьбы освобожденных Нидерландов, Иван Грозный — России, Елизавета I — в английском королевстве, а папа Григорий XIII, который ввел новый календарь, стал во главе католической церкви. В это время творили Тихо Браге и молодой Галилей, Сервантес, Шекспир и Монтень, Орlando Лассо и Палестрина.

Если столетия спустя в кругу великих упоминается имя герцога Альбы, то это знак признания выдающихся деяний выдающейся личности. Не дворянское происхождение, не дружеские связи сделали его одной из ведущих фигур своего времени: он выделился благодаря величию собственной личности. Тем не менее характерно, что в герцоге Альбе не проявлялись те свойства, которые у других выдающихся личностей, даже несмотря на их великие деяния, вызывают все новые размышления. Колумб или Коперник, Лютер или Микеланджело, Вильгельм Оранский или Иван Грозный — мы видим их, раздираемых страданиями и страстями, как отражение тех противоречивых человеческих свойств, которые отмечены трагическим и демоническим и всегда вызывают сочувствие; фигура же герцога Альбы предстает перед нами холодной, прямолинейной и неизменной. Вероятно, неугасающий интерес к нему связан не столько с его личностью и судьбой, сколько с тем, что в самый напряженный период новой истории он постоянно оказывался в центре великих событий. Даже там, где терпел крушение, он руководствовался великими идеями.

Вызывает удивление почти единодушная характеристика натуры Альбы, которую давали друзья и враги, испанцы и иностранцы, католики и протестанты, современники и потомки. Он совершенно иной, чем его великий противник Вильгельм Оранский; в нем нет

ничего от противоречивых свойств, которые постоянно делали загадочного принца Оранского объектом интереса поэтов и исследователей. Он стоит перед нами ясный и однозначный, как его изображали Тициан Моро и другие: умное, строгое лицо, жесткая складка у рта и взгляд, от которого ничего не укроется; военный мундир, выправка человека, привыкшего повелевать, с некоторой долей аскетизма. Сравним его портрет с портретом императора Карла V, написанного тем же Тицианом: сколько человечности, спокойствия и преданности при всем величии в его чертах; какие простота и легкая грусть, какое понимание хода истории. Не намного отличается поздний портрет Вильгельма Оранского кисти Кея в Маурицхейс, в Гааге, тогда как у Альбы преобладают воля и энергия, собранность и гордость. Всем, чего он достиг, он обязан не одаренности своей натуры, а усердию, умению, осмотрительности и осторожности.

Видимо, не воля случая и не трудности исследования мешали созданию его биографии, а сама личность этого человека. За прошедшие столетия никто не пытался полностью воссоздать его жизненный путь. Есть масса изложений различных этапов его деятельности, ибо никто из тех, кто писал об Испании, не мог не вспомнить его, никто из тех, кто углубляется в историю Священной Римской империи Карла V, елизаветинской Англии, освобождения Нидерландов или Реформации, не сможет пройти мимо него. Однако редко обнаруживается подлинное величие этого человека кроме как в военной области.

Альба происходил из древнего дворянского рода. Гордые Альбы вели свой род от византийской императорской династии Палеологов, которая правила в Константинополе еще с X века. Вильгельм Оранский впоследствии в сочинениях в свою защиту не отрицал, что подверг опале семьи многих испанских грандов, в том числе и Альбы, из-за родственных связей с восточными домами. Предка Альбы мы находим среди кастильских завоевателей города Толедо в 1085 году. С этого момента они играют одну из ведущих ролей в истории своей страны. Они поселились в провинции Саламанка. В первой трети XII века уже жили в Толедо, название которого впоследствии присоединено ими к своему титулу. В начале XIV века из их семьи вышли высшие должностные лица города Толедо, в середине того же века — гроссмейстер знаменитого ордена Сантьяго и дворецкий королевы.

В следующем столетии семья унаследовала город Альба-де-Тормес и получила графский титул, а в следующем поколении (в 1472 году), после бракосочетания представителя рода Альба и свояченицы короля Фердинанда Католического, король Кастилии присвоил графу Гарсиа Альваресу титул герцога Альбы. Второй герцог, дон Фадрике, зарекомендовал себя как мудрый государственный деятель и верный слуга короля в тяжелые времена после смерти Изабеллы, когда Фердинанд был отстранен от управления Кастилией. Однако он проявил определенную сдержанность по отношению к внуку Фердинанда, Карлу Габсбургу, когда тот вступил в права наследования.

Фернандо Альбе пришлось служить Карлу в течение всего периода его правления, когда на него позднее лег двойной груз правления германской и испанской коронами.

Жизнь Альбы пришлась на последний период расцвета германской императорской власти, начало подъема мощи западных держав, он был свидетелем могущества католической церкви и необратимых духовных изменений эпохи Возрождения и Реформации; он хранил в сердце старую Испанию, выполняющую свою собственную миссию, и вместе с тем служил новой величайшей мировой империи. Не в пример Карлу V или Франциску I Французскому, или Генриху VIII Английскому, или их главным советникам он пережил первую половину столетия, которое завершило Средневековье. И не в пример Генриху IV Французскому, Филиппу Испанскому, Вильгельму Оранскому, Елизавете Английской он встретил вторую половину, которая возвестила приход Нового времени. Долгая жизнь дала ему возможность, кто знает, к счастью или несчастью, пережить и то, и другое, будучи в старые времена молодым, а с победой нового — старым.

Родившийся в Пьедраите, в провинции Авила, мальчик провел свои первые годы преимущественно в замке Альба де Тормес, недалеко от Саламанки. Позднее он был привезен в огромный старый сарацинский замок в Абадии, южнее Альба де Тормес,

принадлежавший семье. Его воспитанием занимался дед. Отец Гарсия, сын дон Фадрике, давно пал в боях с маврами на острове Герба, вблизи тунисского побережья. Мать, донья Беатрис Пиментель, дочь графа Беневента, не оказывала на сына заметного влияния.

Век предъявлял высокие требования к мышлению, знаниям, воспитанию и живости ума человека. Нужно было бегло изъясняться по-латыни и по-французски, иметь глубокие познания в арифметике и истории, чтобы сохранить уважение и достоинство. Разумеется, сюда же относились глубокие знания в теологии и догматике. Поэтому тщательное и углубленное изучение этих предметов не миновало молодого Альбу, рано проявившего зрелость мышления. Специально для мальчика были приглашены несколько учителей, среди них — знаменитый гуманист и философ Хуан Луис Вивес и поэты Хуан Бос-кан и Гарсиласо де ла Вега. То, что герцог Альба, известный впоследствии своей суровостью, в молодости под их руководством посвящал себя музам и писал стихи, что, впрочем, лучше удавалось одному из его предков, было скорее результатом воспитания, чем природного дарования.

Однако на первом плане в воспитании мальчика стояла военная подготовка. Дон Фадрике, насколько ему позволяло время, лично занимался этим. Дед использовал даже игры мальчика с ровесниками, чтобы разъяснять военные правила и тактические приемы. Иногда он даже сам принимал в них участие, объяснял, поправлял, хвалил и порицал. Когда в 1515 году дон Фадрике был назначен главнокомандующим в войне против французов, чтобы присоединить Наварру к Испании, он взял с собой в военный лагерь семилетнего внука, где маленький Фернандо получил свои первые впечатления. Предприятие увенчалось успехом; было завоевано все, что находится на Иберийском полуострове южнее Пиренеев, и мальчик впервые увидел триумф испанского оружия.

Известно, что молодой Альба проявлял мало склонности к гуманитарным предметам, а посвящал всего себя военной науке. Здесь он особенно чувствовал связь со своими предками, прославившимися именно на военном поприще, и почитал своей первейшей обязанностью продолжение знаменитого рода Альба. После смерти деда ему выпало на долю стать главой этого рода, который всеми своими ветвями казался предназначенным для великих дел. Уже дон Педро, самый старший брат отца, поднимался со ступени на ступень; в будущем он в течение 21 года будет вице-королем Неаполя. Диего, второй брат, служил в ближайшем окружении короля; третий, Хуан, — кардиналом и архиепископом; Фернандо, четвертый, стал гроссмейстером великого ордена Алькантары. Кузина отца, Мария де Толедо-и-Рохас, была женой Диего Колумба, сына Христофора Колумба.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ СЛУЖБЫ

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПРОТИВ ФРАНЦИИ; УПРАВЛЕНИЕ ИМЕНЯМИ; ВХОЖДЕНИЕ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ; ПОХОД ПРОТИВ ТУРОК; СЛУЖБА У ИМПЕРАТОРА

Фернандо еще не исполнилось и шестнадцати, а он уже узнал, что такое жизнь настоящих мужчин. Тогда испанская армия осаждала крепость Фуэнтэррабиа, расположенную там, где Пиренеи доходят до Бискайского залива. Ее защищали французы. Юноша попросил у деда разрешения принять участие в этом походе, а когда дон Фадрике запретил ему это, то приказал тайно оседлать коня и в сопровождении группы друзей покинул родину, чтобы присоединиться к армии. Возмущенный дед успокоился лишь когда испанский генерал дон Иникес де Веласко сообщил ему о проявленной Фернандо исключительной смелости.

Осада Фуэнтэррабиа протекала очень тяжело; зима выдалась исключительно суровая и тяжелая, и взяли город лишь в следующем, 1524 году. При этом молодой Альба усвоил три урока, которые сыграли значительную роль в его последующей жизни.

Первый гласил, что осада хорошо укрепленных крепостей — дело тяжелое и редко приводит к решению проблемы. За свою последующую жизнь Альба принимал участие или руководил пятью значительными осадами: Марсея, Меца, Остии, Монса и Харлема. Две

закончились неудачей, три другие были успешными, но не привели к решению спора. Часто Альбу побуждали к осадам его генералы; за этим исключением ему в основном удавалось избегать осад в Нидерландах и все же выигрывать кампании.

Вторым уроком было то, что пример командиров, их старания и лишения, их стойкость и надежность являются решающими для армии. Часто дон Иникес сам брался за лопату и часами помогал на окопных работах, стоял ночью в карауле и разделял лишения с солдатами.

Однако самым важным было то, что воля человека не всесильна, силы природы — жара, холод, бури и землетрясения, болезни и суеверия — могут сломить самую твердую волю. Это было тяжелым уроком для молодого Альбы. Его властная натура часто пыталась добиться того, что при нормальных условиях было тяжелым, а при неблагоприятных — недостижимым делом.

После победы Веласко назначил еще не достигшего семнадцати лет Альбу губернатором города Фуэнтеррабиа. Ему, как и многим в XVI столетии: Лютеру, Карлу V, Чезаре Борджиа, Рафаэлю, Вильгельму Оранскому, дону Хуану Австрийскому, — рано выпала ведущая роль; Шиллер понимал этот век гораздо лучше, чем его критики; недаром в трагедии «Дон Карлос» один из его героев сокрушается: «23 года — и ничего не сделано для бессмертия». Жизнь коротка, и принято было рано ее испытывать, — а иногда и расставаться с нею.

Срок службы Альбы в Фуэнтеррабиа продолжался недолго. В начале 1527 года он возвратился, а в следующем году произошло его бракосочетание с Марией Энрикес, дочерью дона Диего Энрикеса де Гусмана, герцога Альбы де Листе. Донья Мария была красивой женщиной. Ее скромность и любезность восхваляли до самой смерти. Она не уступала в таланте дипломата и способностях администратора своим знаменитым современникам, занимавшим должности, которые и тогда и теперь были почти исключительно мужскими. С 1532 года в течение 50 лет она управляла семейным имуществом. При дворе испанской королевы занимала такое же положение, как ее муж при дворе короля. Она была приглашена к английскому двору и благодаря своему тактичному поведению пребывала там много лет. Когда муж, будучи вице-королем Неаполя, вынужден был отправиться на войну, она представляла его в правительстве. Их брак продолжался 54 года, и жена на год пережила своего мужа.

1527–1532 годы имели важное значение для дальнейшей судьбы герцога Альбы, хотя многого об этом периоде не расскажешь. Ничего замечательного тогда Альба не совершил. Нам известно об этих годах только три факта: он занимался управлением фамильным имуществом, вошел в окружение императора Карла и участвовал в войне с турками.

Личное имущество герцога было, впрочем, не слишком значительным. В хорошие годы регулярные поступления составляли тридцать тысяч дукатов, что значительно меньше доходов некоторых грандов и отцов церкви в стране. Поэтому требовалось четкое и экономное управление имуществом, иногда вызывавшее упреки в жадности. Впоследствии герцога обвиняли в том, что он никогда не упускал случая получить несоразмерно высокий доход, а его усилия по увеличению прибыли вызывали «бурю ненависти и зависти».

Домашний штат составляли около ста человек, из них пятьдесят — личная охрана. Большие расходы требовались на проведение празднеств, поездки с блестящей свитой, подарки, содержание замков и покровительство искусствам. Заказывались портреты у такого известного художника, как Тициан, создавались собрания гобеленов и оружия, а вернувшись из Нидерландов в 1574 году, Альба даже привез собственного фламандского органиста, Иоганна ван Вреде. Был у него и шут. На книги у Альбы никогда не хватало времени и интереса. Он был хорошо знаком с кастильским «Кортехиано», классическим руководством для придворного; насколько подробно он изучил «Государя» Макиавелли, неизвестно.

Об управлении имуществом Альбы нам известно, что юрисдикция осуществлялась довольно мягко. Десятипроцентный налог с оборота при каждой торговой сделке был повышен, что, однако, не слишком тяжело сказалось на населении, занимавшемся преимущественно сельским хозяйством, а не торговлей. Евреи-выкресты, которые были в

основном врачами, аптекарями, банкирами, сборщиками платы, примерно до 1572 года жили во владениях Альбы более или менее спокойно. К маврам также относились достаточно терпимо.

Однако управление имуществом не могло удовлетворить честолюбия молодого человека — качества, которое император Карл называл основной движущей силой его натуры. Точно не известно, когда Карл V познакомился с будущим выдающимся генералом. Вероятно, в 1572 году двадцатилетний Альба был представлен властителю, который был на семь лет старше. В жизни герцога Карл стал неким центром, как десятилетия спустя другим центром стал принц Оранский. Вся преданность, почитание и любовь, на которую способен Альба, были обращены — кроме своей семьи — к императору, в ком он видел величие короля и подлинного христианина и кому служил от всего сердца. После смерти Карла Альба говорил о нем только со слезами на глазах. Однако Карл не отвечал взаимностью на глубокую привязанность герцога. Он сохранял дистанцию по отношению как к нему, так и ко всем остальным советникам.

На период пребывания Карла в Испании в 1522–1529 годах пришлось не только приближение Фернандо Альбы к королю, но и посвящение в государственные дела. Его дед, член Государственного совета, часто брал его с собой ко двору. Нужно было управлять огромной империей, претворять в жизнь большие планы, и Альба получил представление о ее громадных возможностях. Какие перспективы таили одни только американские владения! Впоследствии семейство Альба дало в лице дона Франсиско Альвареса де Толедо одного из самых талантливых американских губернаторов.

Некоторые историки утверждают, что в 1526–1529 годах Альба как политик развивался медленно. Как ни странно, ему не слишком доверяли в военном отношении, а считали, скорее, способным дипломатом. Никто тогда не подозревал, что именно Альба усовершенствует организацию испанской армии, превратит ее в лучшую в Европе. В изучении управления внутренними делами он не очень преуспел. Карл, боясь амбиций испанского дворянства, старался не занимать грандов внутренними делами и в особенности не давать им возможности вершить правосудие. Кроме того, понимание Альбой права не соответствовало личным взглядам короля. Альба считал, что одного лишь наличия закона недостаточно. Задача будет выполнена только когда в соответствии с законом преступник будет наказан. Согласно этому принципу он действовал всю свою жизнь, зачастую не получая одобрения Карла.

Основным делом, которое король поручил своему Государственному совету, была внешняя политика. Так молодой Альба получил представление о правах и задачах Габсбургской монархии и его внимание было обращено на три государства — основные объекты внешней политики Карла: Францию, Англию, Турцию, ибо почти все остальные страны Европы были подвластны королю или тесно связаны с ним семейными узами.

Если основные направления в политике относительно турок были однозначными и определялись обстоятельствами, то Франция и Англия представляли собой сложную проблему. Альба с самого начала воспринимал Францию как противника. Франко-испанская война в Наварре была его первым военным опытом, бои за Перпиньян и Фуэнтеррабиа — вторым. Война, разгоревшаяся за владение Миланом, усилила в нем чувство постоянной французской опасности для Испании. Он радостно воспринял известие о пленении короля Франциска в битве при Павии. Хотя герцогу не довелось в ней участвовать, позднее, находясь в Северной Италии, он посетил поле битвы и интересовался отдельными ее деталями. Через два года после освобождения короля Франциска вновь начались военные действия, и молодой Альба пережил четвертую французскую войну, которая в 1529 году завершилась новым миром.

Несмотря ни на что, Франция все же была теснее связана с Испанией религией и традициями, чем чуждая культурной жизни континента и духу Возрождения отдаленная Англия. В политическом, а вскоре и религиозном отношении Англия шла особым путем и, кроме того, вследствие своего островного положения и экономических условий

представляла, безусловно, соперника для Испании, которого нужно было либо включить в систему Карла, либо покорить. Со всеми этими обстоятельствами был ознакомлен Фернандо Альба.

Как ни богаты его впечатления тех лет, все же наиболее важным, вероятно, было наблюдение за тем, как Карл решал проблемы, и за его искусством переговоров и управления. Хотя в последующие годы герцог научился ясно распознавать связи между обстоятельствами и предвидеть ход событий, общение с людьми ему не давалось. Ибо, хотя его дух и был сформирован при дворе Карла, его сущности император не смог изменить. Натура Альбы по большому счету не была сложной; Масштаб его действий определялся тем, как не уронить чести семьи и предков. Именно в этом он отличался от Карла, который всю жизнь постоянно блюл и судил самого себя. Король пережил взлеты и падения, страдание и радость, знал периоды всепоглощающего труда и унылой бездеятельности, часто вызванной недомоганием; он видел, как рушатся грандиозные планы из-за незначительных препятствий, но все встречал со стойкостью, источником которой была вера в справедливость Господа.

Альба мало в чем походил на противоречивого Карла. Самокритика была ему чужда, он больше черпал из унаследованного и заученного, чем из глубин человеческой сущности; обладатель высокой добродетели, проявлял безупречную верность, усердие, преданность порученному делу, соединенные с блестящими способностями и невиданной выдержкой. Вежливостью, достоинством, подобающим поведением он не уступал Карлу. Избегал помпы, если ее не требовали обстоятельства, одевался просто, апеллировал к своим привилегиям лишь когда чувствовал свои обязательства перед семьей. Привыкший отдавать приказания, он тем не менее умел слушать. Редко порицал, особенно в военных делах, зато охотно поощрял — прежде всего бесстрашие молодых офицеров. Он требовал неукоснительного исполнения обязанностей от всех, сам будучи примером этому. При всем том он не получал в ответ проявлений любви и дружеского признания.

Безусловно радостным для Альбы событием было в 1529 году приглашение императора на коронацию в Болонью, в Италию а затем на военную службу в Германию, — воевать против турок.

Если коронация императора в Болонье в феврале 1530 года означала продолжение тех придворных обязанностей, которые Альба уже исполнял в Испании при крещении первого сына Карла Филиппа, то в войне с турками он впервые мог бы доказать королю, какой энергией, волей и компетентностью он обладает. Альба уже давно ждал возможности воевать с турками. В каждом испанце глубоко укоренилось воспоминание о долгом периоде священной войны против мусульман. У Альбы к этому присоединялись еще и память об отце, который пожертвовал жизнью в этой борьбе.

В 1532 году Альба был прикомандирован к штабу Томаша Надасти в Венгрии, которую турки уже почти завоевали. Впрочем, Альба прибыл в войска, когда отступление турок после их новой кампании уже началось. Он участвовал в решающих битвах. Командование христианского войска было чрезвычайно осторожным. Напрасно молодой Альба выступал за более энергичные действия; его мнение не было учтено. Единственной наградой было то, что на военном совете, который король проводил в сентябре в Линце он заслужил особую похвалу Надасти, предсказавшего испанцу блестящую карьеру. Было бы иронией судьбы, если бы военный совет положил начало военному взлету Альбы и стал одним из тех случаев, которые определяют нашу жизнь, выхватывают нас из толпы тех, кто имеет такие же права, лелеет те же ожидания. Ибо вовсе не смелые поступки и стремительные преследования определили славу герцога в последующие годы. Основой его тактики были тщательные приготовления и величайшая осмотрительность. Поэтому его предложение на военном совете в Линце ни о чем не свидетельствует. Однако вполне возможно, что молодой гранд понравился королю больше всего именно в тот момент, когда он рассчитался со своей чопорностью и рассудительностью и высказался за свободное и неожиданное действие.

Вообще, герцогом тогда еще руководил, по-видимому, тот молодой задор, который всегда вызывает симпатию. Рассказывают, что однажды, получив известие о болезни своей

молодой жены, он оседлал лошадь, за восемь с половиной дней примчался из Венгрии в Испанию, чтобы пробыть там три дня, и вновь за восемь с небольшим дней вернулся к армии.

После окончания турецкой войны Альба остался при дворе Карла. Он был потрясен тем положением, которое занимал император в Священной Римской империи. Лишь потому испанцы примирились с тем, что на их трон взойшел иностранец, что он объединил их корону с высочайшим величием Запада — Священной Римской империей. Теперь Альба увидел, насколько меньше императорский сан значил в действительности, какие опасности он таил для его страны, его родины. Ибо в империи борьба между старым порядком и новой свободой, которая для государства означала возрастание роли личности, а для церкви — протестантизм, разгорелась в такой форме, которая не только угрожала сохранению существующих порядков, но и противоречила духу испанского народа, и особенно испанских грандов.

Свобода личности для человека, подобного Альбе, значила мало. Традиция и воспитание приучили его к тому, что он является звеном цепи. Ему были непонятны одиночество Лютера, тяжкая ноша ответственности отдельного человека, который чувствует себя предоставленным самому себе, у кого нет надежды на избавление от мук ответственности с помощью государства и церкви и который постоянно находится наедине со своей совестью и Богом.

Тем не менее время, проведенное в Германии, было для него поучительным, поскольку в эти годы выработались его взгляды и самостоятельное суждение обо всех основных взаимосвязях в политике; горизонт испанского гранда расширился, вместо ограниченных целей он познакомился с габсбургскими планами мирового масштаба. Однако время было малоприятным. В Германии имперские князья относились к нему недружелюбно; они завидовали его влиянию и подозрительно относились к его советам. Даже с католическими отцами церкви его не объединяли общие интересы. Он не мог присутствовать на больших собраниях, не разделял привычек этих господ. Даже когда в 1531 году умер его дед и он, став герцогом, занимал при дворе среди грандов Испании высокое положение, оно все еще не было достаточно надежным. Тем не менее император ценил его больше, чем многих других высокопоставленных лиц империи. Даже вдали от Карла не видевший его годами Альба оставался личностью, с которой считался не только сам император, но и его окружение.

С радостью и облегчением отправился Альба в свите Карла в октябре 1532 года через Клагенфурт и Мантую в Болонью, где пробыл с ноября по февраль. Там он получил новое представление о политике Габсбургов. Он был посвящен в двойную игру папы, который испытывал страх и перед императором и перед королем Франции, прибыл в Болонью, чтобы встретиться с императором. Внешняя сердечность не вводила больше Альбу в заблуждение относительно истинных взаимоотношений между Карлом и папой. Он проходил посвящение в искусство лицедейства, в котором Карл Габсбург и Клемент Медичи противостояли друг другу как подлинные мастера.

Когда Карл и папа расстались, не придя к окончательному решению, Альба отправился с Карлом дальше в Милан и Геную, откуда 9 апреля 1533 года отплыли в Испанию. В местечке Розас в Рус-сильоне корабль пристал к берегу, оттуда — верхом в Барселону. Так через три года завершилось первое пребывание герцога Альбы за границей.

ПОДЪЕМ

ПОХОД ПРОТИВ ТУНИСА; ПРЕБЫВАНИЕ В ИТАЛИИ; ОСАДА МАРСЕЛЯ; ВОССТАНИЕ В ГЕНТЕ; ПОХОД ПРОТИВ АЛЖИРА; СЛУЖБА У НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

Вначале Альбе выпало два спокойных года дома, которые он смог посвятить своим новым задачам в качестве главы рода. Вероятно, прежде всего он занимался воспитанием своего первенца. Но затем император призвал его к участию в новом походе против турок.

Удар, который герцог Альба впервые должен был нанести самостоятельно, направлен против Туниса. Папа уже давно подстрекал к войне с турками; поход против них являлся последовательным продолжением арагонско-кастильской политики и доказал испанцам, что император Священной Римской империи не пренебрегает их интересами.

Карл снарядил армию около 30 тысяч человек. Во главе ее в качестве своего заместителя он поставил генерала дель Васто; герцогу Альбе как полковнику было подчинено восемь тысяч солдат. Альба взял с собой своего брата Бернардино, а также пятилетнего сынишку. Однако жестокосердие герцога, который перед лицом предстоящих лишений не пожалел малыша, вызвало нареkanie.

Сопровождаемый благословением папы и совершенно противоположными мыслями французского короля, который втайне вступил в сношения с турками, император отплыл в конце мая из Барселоны и в середине июня 1535 года достиг африканского побережья, где солдаты и высадились.

Ключевым пунктом для нападения на Тунис была крепость Ла-Гулетта, которая находилась в нескольких милях от того места, где прежде был Карфаген. Среди офицеров императора Альба выделялся особо. Теперь 28-летний герцог не упускал ни одной возможности продемонстрировать Карлу свои способности. Исход сражения завис на острие ножа, однако, в конце концов, крепость была завоевана, а 21 июля 1535 года захвачен и город Тунис. Карл торжественно въехал в город. Герцогу Альбе за его заслуги было вручено оружие его погибшего отца, которое обнаружили в крепости.

До времени тунисского похода подъем Альбы, в соответствии с идеями императора о роли его испанских грандов, проходил медленно. Однако теперь ускорился. С Карлом Альба возвратился в Италию и 22 августа высадился в Сицилии. Там его постиг жестокий удар: его брат Бернардино умер от лихорадки.

Карл сполна наслаждался своей победой. Куда бы он ни прибыл, в его честь устраивали праздники, триумфальные въезды, служили благодарственные мессы. В сообщениях об этом почти везде можно встретить и имя Альбы. Однако перед ним всегда стоит кто-нибудь другой — то Андреа Дориа, то герцог Беневентский, маркиз дель Васто, Фердинанд Гонзага, герцог Брауншвейгский. Однако его уже не обходят молчанием. Он становится знаменитостью, глаза зрителей ищут его в свите императора, на него указывают друг другу.

Очевидно, если исключить смерть Бернардино Толедского, то период с сентября 1535 года по март 1536 года был счастливым временем и для императора и для герцога. В октябре они перебрались из Сицилии через Термини, Козенцу, Салерно в Неаполь, где Карл провел зиму. Его пребывание там скрасили великолепные празднества. К Пасхе он прибыл в Рим. И вновь началась тяжелая работа. Новым папой стал Павел III, который собирался изменить папскую политику последних лет, освободить ее от влияния императора и его планов церковной реформы и сблизиться в политическом отношении с французским королем. На второй день Пасхи Карл рассказал ему о своем горьком опыте отношений с Францией. Однако он предвидел, что ему вряд ли удастся склонить папу на свою сторону, и был полон решимости и без папской поддержки вновь попытаться счастья, выступив с оружием в руках против Франции. Большинство генералов пытались его отговорить. Они были готовы занять и разграбить Пьемонт и Савойю, но вступление войск во Францию казалось им слишком опасным. Тем не менее его желание поддерживали трое полководцев: самый усердный, старый де Лейва, Андреа Дориа и герцог Альба. Первым двоим принадлежит роковая идея осадить Марсель. Один Альба высказал по-настоящему конструктивную мысль: оставить Марсель в стороне, захватить богатый Прованс и продвигаться в направлении Лиона. В этом мнении его укрепила рекогносцировка в направлении Марселя, которую он осуществил, проезжая с императором из Рима через Сиену, Флоренцию, Лукку и Асти, вплоть до французской границы. Однако он не смог настоять на своем. Совет де Лейвы значил в то время больше, чем совет Альбы. Марсель был осажден, и Альба пережил первое в своей жизни крупное поражение испанского оружия. Сам он не принимал в этом участия, поскольку перед ним были поставлены задачи в Провансе, с которыми он справился. Поскольку действовали

вопреки его совету, ему было нетрудно настоять на отступлении, тем более что де Лейва вовремя умер.

Несчастье других гораздо чаще, чем собственное счастье, становится залогом нашего успеха. Крах похода на Марсель, смерть де Лейвы и другие неудачи побудили Карла назначить герцога Альбу своим главным военным советником. Наконец-то герцог, несмотря на зависть окружающих, достиг того, к чему стремился. Наряду с министром Николасом Перрено де Гранвеллой и секретарем Лос-Кобосом Альба занял при дворе самое влиятельное место, которое только мог дать Карл. Он вправе был гордиться своими успехами, когда в декабре 1536 года вместе с Карлом возвратился в Испанию.

В течение двух последующих лет Испания и Франция — противники, вымотавшие друг друга войнами и подготовкой к ним, — вели мирные переговоры и наконец договорились о десятилетнем перемирии. Вскоре после этого состоялась встреча императора Карла с королем Франциском в Экемортесе, недалеко от устья Роны. Несмотря на перемирие обе стороны проявили недоверие. Советники короля Франциска отговорили его от посещения галеры Карла, а советники Карла на следующий день предостерегли своего императора от посещения на суше. Лишь один Альба считал ниже достоинства императора проявить недоверие или опасения. Хотя его и могут ждать неприятности, Карлу следовало рискнуть и сойти на сушу. Он принял совет, все прошло без сучка и задоринки, и хотя больше не достигли никаких договоренностей, личная неприязнь между двумя властелинами уменьшилась.

В середине июля Карл вновь прибыл в Барселону. Герцог Альба вначале отправился оттуда в свои владения, чтобы привести в порядок семейные дела и выдать замуж своих сестер. При дворе он появлялся лишь эпизодически. В конце года принимал участие в обсуждении нового похода против турок, предусматривавшего нападение на Константинополь, однако так же, как и другие, не поддержал этого плана.

Герцог Альба выказал много усердия. Он проявил себя как мудрый советник и храбрый солдат. Однако свойственных ему организаторских способностей, его искусства командовать и владения военной тактикой — именно этого его предыдущие достижения не выявили. Даже заняв свой пост, он не мог сразу же осуществить то, к чему чувствовал себя призванным. Вначале время было заполнено второстепенными делами, как, например, поездка в Фуэнтэррабиа, где Альба побывал на местах своих первых военных действий. Но затем он принял решение отправиться в Париж.

Когда король Франциск предложил императору проехать в Нидерланды, куда хотел поехать Карл, через Париж, Альба, как некогда в Экемортесе, высказался за то, чтобы, согласно рыцарским правилам, принять приглашение. В соответствии с этим Карл он и другие высокопоставленные лица проехали через Сеговию и Вальядолид к границе Франции, где были встречены высшим дворянством страны. Затем все отправились в замок Фонтенбло, построенный Франциском, а оттуда — в Париж. Турниры, карнавалы, балы заполнили новогоднюю неделю 1540 года. Во время торжественных обедов Альба сидел вместе с дофином, принцем Орлеанским, и кардиналами за столом императора и короля Франциска.

Разговоров на политические темы избегали, хотя речь и заходила о новых брачных проектах. Все протекало превосходно, и довольный приемом Карл отправился через Валансьенн в Брюссель вместе с Альбой, который получил самый ценный подарок после императора, — бриллиант стоимостью четыре тысячи дукатов. Самой важной задачей в Нидерландах было подавление восстания в Генте. Когда Альба впоследствии признался, что Карл из-за волнений в одном-единственном городе заспешил в дальние страны, а его сын Филипп не прилагает никаких личных усилий, даже когда целые страны охвачены восстанием, то это была только часть правды. Ибо Карл прибыл не только из-за Гента, но и из-за необходимости многое уладить в Нидерландах, а также в империи. Однако он считал своей первейшей обязанностью навести порядок в своем родном городе. Характерно, что после подавления восстания герцог Альба выступил за сооружение крепости, суровую кару, отмену привилегий и смертную казнь зачинщикам, что, впрочем, Карл отклонил. Вначале,

правда, он назначил тяжелое наказание, но затем использовал свое присутствие, чтобы удовлетворить прошения о помиловании и смягчить суровость наказания. Альбу он тем временем отослал в Испанию с двумя новыми поручениями: герцог должен был позаботиться о военной защите Испании от турок и французов и сделаться наставником 16-летнего сына Карла, Филиппа.

Альба занимался в большей степени военными делами, чем воспитанием Филиппа. Он неутомимо трудился, чтобы провести преобразования, необходимые любой армии, вооружить постоянную армию новейшим оружием и укомплектовать руководство не привилегированным, а обладающим необходимыми знаниями дворянством. В то время лишь небольшая часть солдат имела огнестрельное оружие. Альба был одним из первых, кто вооружил им кавалерию; он также позаботился о хорошем вооружении судов, поскольку раньше на борт, в основном, вкатывали обычные полевые пушки. Всего этого он добился, несмотря на большие трудности, в первую очередь финансовые, ибо оружие было дорогим, а Карл V ощущал нехватку средств как никто другой.

Самым трудным при таких обстоятельствах было поддержание дисциплины, особенно среди вельмож. Они прибывали с целой толпой обслуги, пажей, камергеров, поваров и дам. Тот, кого не устраивало распоряжение герцога об ограничении свиты, отсылался домой. Отослать всех — этого не мог потребовать даже сам Альба. Лишний багаж нужно было отправить назад, а оружие, которое охотно оставляли дома, нужно было везти с собой, как и артиллерию с боеприпасами.

Подготовка, проведенная Альбой, была большим достижением, однако судьбе было угодно, чтобы она стала практически напрасной, ведь Карл поставил задачу не только обороны страны, но и подготовки нового нападения на турок, которое оказалось неудачным. На этот раз нужно было завоевать Алжир. Вероятно, виновата не постановка задачи, а момент, выбранный для ее осуществления. В середине октября 1541 года, когда погода была уже неблагоприятной, герцог получил приказ выйти в море.

Следуя приказу, Альба отправился на африканское побережье и там с пятью тысячами человек ожидал флот Карла. Однако когда Карл прибыл с двадцатью тысячами человек, осенние бури в течение нескольких дней не давали возможности высадиться на берег. Когда люди наконец высадились, бури воспрепятствовали выгрузке провианта и артиллерии. Голодным и беззащитным солдатам пришлось выдерживать натиск мавров. Буря усиливалась, удержать позиции было невозможно, и после трех мучительных дней войско вновь с трудом погрузилось на суда. От предприятия пришлось отказаться. На обратном пути ураган привел к новым жертвам; разбитый в пух и прах, Карл V достиг берегов Испании 1 ноября.

Роль герцога Альбы во время военных действий в Африке весьма незначительная. Он не был рядом с императором, когда принималось решение о нападении, не участвовал в командовании операцией, поскольку лишь часть испанской армии была высажена на берег. Он не давал команды возвращаться, поскольку Карл не назначал его руководить операцией. Лишь один голос прозвучал против — завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Он уже пережил трудности подобного рода, испытал большие опасности и нашел выход. Эрнан вызвался с частью войска в Африке вести войну на свой страх и риск. Однако Карл ответил вежливым отказом. Возможно, был упущен великий момент. Кортес умер шесть лет спустя, в ожесточении и, как Колумб, одиночестве.

Лишь один Альба вернулся, чтобы пожинать лавры. Его подготовка и строгость в отношении испанского дворянства нашли полное понимание у императора. Еще на побережье Алжира он получил высший пост королевства — верховного камергера.

Карл V сразу же учел неудачу своей экспедиции, за которой последовал ответный удар французов и турок в следующем году. Поэтому первой его заботой после возвращения стало укрепление северных границ Испании. При этом речь не могла идти ни о ком кроме Альбы. Лишь два месяца были отпущены герцогу для пребывания дома. В начале января, в разгар зимы, ему пришлось уехать, чтобы обеспечить необходимые приготовления. Его основное

внимание было направлено на небольшую провинцию Руссильон и город Перпиньян, расположенные на Средиземном море, севернее Пиренеев.

Герцог заложил укрепления, обеспечил защиту границы и в самых важных пунктах разместил войска. Когда Карл послал прежнего начальника герцога времен Фуэнтерабиа, дон Инигеса де Веласко, для поддержки, а возможно, и для контроля в Наварру, последний вскоре возвратился, заявив, что поскольку все так превосходно организовано, ему нечего было там делать.

В апреле 1542 года герцог вновь появился при дворе и занял в качестве советника по внешней политике первое место при наследнике престола, но уже через три месяца ему пришлось уехать: пришло известие о вступлении в Перпиньян французских войск под командованием дофина. В сопровождении Филиппа Альба прибыл на границу, где ему вначале удалось помешать дофину блокировать Перпиньян со всех сторон, а затем сдерживать французскую армию до самой осени, когда потоки дождя свели на нет все ее усилия.

Увенчанный новой славой, завоеванной на глазах будущего властителя, Альба возвращается домой и сопровождает двор в Барселону, Валенсию, Бургос и другие места, где все сословия приносили принцу как будущему королю присягу на верность. Когда в начале 1543 года Карл отбыл в Германию, Альба остался при Филиппе верховным комендантом всей Испании, защитником севера и побережий и военным советником. На состоявшемся в том же году бракосочетании Филиппа с португальской инфантой Марией он выполнял обязанности распорядителя и вместе со своей женой был свидетелем бракосочетания.

ПОЛКОВОДЕЦ В ГЕРМАНИИ

СУЖДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КАРЛА ОБ АЛЬБЕ; ПОХОД В ЮЖНУЮ ГЕРМАНИЮ; МЮЛЬБЕРГ; ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСПАНИЮ; ПУТЕШЕСТВИЕ В НИДЕРЛАНДЫ; ОСАДА МЕЦА

Удовлетворение Альбы всем достигнутым, всем им осуществленным и тем, что, казалось, еще обещает будущее, лопнуло бы как мыльный пузырь, если бы он мог подозревать, что о нем писал император Карл как раз в то время, когда герцог был уверен в его безоговорочной поддержке и доверии.

Вероятно, перед глазами у Карла возникали собственные несчастья, во множестве постигшие его в последние годы, — смерть жены Изабеллы, восстание в его родном городе Генте, неудачные попытки снова примирить протестантов и католиков в Германии, потеря Венгрии, поражение в Алжире и расстроенные финансы, когда он, предчувствуя конец, писал свои потрясающие инструкции для принца, которого назначил регентом Испании. Как обычно, он начинает с проникновенных призывов поставить все свои действия на службу Господу: Бог не всегда посылает победу, но ведет верным путем. Затем он описывает положение в целом, дает бесчисленные указания и советы и в конце добавляет секретный листок, о котором принц не имеет права говорить даже своей жене.

В этом листке он обсуждает своих ближайших подданных. Каждого из них он хвалит — и от каждого предостерегает. Он описывает, к чему пригоден каждый из них: Лос Кобос, Тавера, Гранвела — отец и сын, тут же очерчивая границы их возможностей. А что герцог Альба? В военных делах он достоин доверия в высшей степени. Как генерал он превосходит всех, его следует привлекать также как государственного деятеля для решения внешнеполитических вопросов. Но им движет безграничное честолюбие; он готов использовать даже женщин, чтобы заполучить влияние на Филиппа. Как и каждый испанский гранд, он прежде всего ищет личной выгоды. Поэтому его следует отстранить от решения внутренних дел и держать с ним, как и с другими, дистанцию: «Спрашивай его совета, но в тех или иных делах не полагайся на него. Не верь никому, кроме себя».

Всю жизнь герцогу Альбе пришлось бороться против невидимой власти этих рекомендаций. Свообразные отношения сложились тогда между незрелым принцем,

который находился под влиянием письма своего отца, и герцогом, греющимся в лучах собственной славы. Кроме того, Филипп вскоре начал утверждать, что Альба превышает свои полномочия, когда без его санкции проверяет управление провинциями, закладывает на границах крепости, усиливает гарнизоны или берет в свои руки выплату жалования солдатам. Филипп был еще слишком молод, чтобы самостоятельно подводить баланс между слабостями и заслугами своих подчиненных, который основывается на знании людей.

Возможно, между Филиппом и Альбой произошел разрыв, если бы император не затребовал полководца. 1 января 1546 года в Брюсселе созывался капитул рыцарского ордена Золотого Руна, и Альба поспешил в числе 22-х получить высшее отличие. В тот день был отмечен также Ламораль, граф Эгмонт, чья судьба в будущем пересечется с Альбой столь роковым образом.

Затем вместе с Карлом герцог Альба отправился в Германию. Здесь религиозные распри привели к образованию политических партий, вылившемся в вооруженное противостояние. Однако расстановка сил казалась императору достаточно благоприятной для окончательного решения о восстановлении императорской власти. Альбе было поручено отплыть в Испанию, чтобы проинспектировать укрепления страны, а затем вернуться со вспомогательными войсками для нападения на Шмалькальденский союз, который в 1531 году создали протестантские князья и города для защиты веры и свобод.

Если Альба доказал свои организаторские способности и силу воли, предусмотрительность и продуктивность мышления, когда оснащал испанскую армию для алжирской кампании, то в начавшейся в 1546 году шмалькальденской войне он впервые продемонстрировал гениальное тактическое искусство, благодаря которому вошел в число выдающихся полководцев всех времен. Впервые он стал, не считая императора, главнокомандующим. С этого момента никогда в жизни он не попадал под чье-либо командование.

В начале похода его колеблющаяся тактика разочаровывала. Когда не только вражеские но и свои войска с нетерпением ждали решающей схватки, он придерживал своих солдат. Он стремился выковать из смеси народов и войск единую армию и, несмотря на сопротивление немецких князей, укрепить свое собственное положение как главнокомандующего. Он настоял на отмене наступления, желая, чтобы протестантские войска растворились «как соль в воде», и ничего не предпринимая. Он избегал осады крепостей. Вместе с тем, не желая осаждать других, он и сам не хотел попасть в их положение поэтому, оставаясь в поле, окапывался там, а когда противник пытался навязать ему бой, то рассматривал это как предостережение и отступал. Лишь когда враг воображал себя в безопасности, Альба решался на битву. Ему мешали голод и потери из-за болезней, но он знал, что враг страдает от этого еще сильнее.

Таким образом, операции все затягивались и затягивались. Однако постепенно чаша весов начала склоняться в пользу Альбы. Вначале война шла на территории Баварии. Основной укрепленный пункт Ингольштадт, почувствовав опасность, прекратил сопротивление; Нейбург на Дунае вынужден был сдаться. Донауверт последовал примеру Нейбурга; в конце года был взят Нордлинген.

Под Грундлингеном шмалькальденские военачальники еще надеялись спасти положение. Им удалось начать битву при благоприятных условиях. В середине наступления Альба приказал трубить отбой. И друзья и враги пришли в ужас. Развязка близка, а прервать битву еще хуже, чем проиграть. Однако Альбу ничего не трогало. Решение было принято уже давно: он хотел выиграть не битву, а войну.

Он отступил и занял Франконию, лишив тем самым протестантов облюбованных ими зимних квартир. Затем наступила очередь Франкфурта, Ульма и, наконец, Вюртемберга. Если бы все происходило по желанию Карла, то поход продолжался бы и зимой. Однако Альба настоял на том, чтобы дать солдатам отдохнуть на зимних квартирах, и вследствие этого наступил перерыв.

Заслуги Альбы были настолько выдающимися, что у Карла возникла мысль

предложить ему герцогство Вюртембергское, обладатель которого присоединился к Шмалькальденскому союзу, но вынужден был сдаться и оказался смещен. Для испанского гранда это было большое искушение, однако он решил отказаться от такого подарка.

Зимой сдался Нюрнберг, и вместо Карла Альба принял присягу города на верность. Затем продолжилось продвижение на север через Эгер и Мейсен. Когда весной следующего 1547 года возобновились военные действия, то они велись в сердце протестантизма — Саксонии.

Под Мюльбергом, на Эльбе, у предводителя Шмалькальденского союза курфюрста Иоганна Фридриха Саксонского был лагерь, который он считал неприступным, поскольку войска императора находились на противоположном берегу реки и с трудом могли переправиться. Не ясно, исходил ли план такой попытки от Карла и Альба поддержал его, тщетно пытаясь вначале переубедить императора, или же его разработал сам Альба. Во всяком случае, накануне битвы он нашел крестьянина, который указал ему брод. На рассвете 24 апреля первые испанские всадники переправились через реку. Сам герцог последовал за конной разведкой на лодке крестьянина. Не успел Иоганн Фридрих опомниться, как был окружен. За несколько часов все решилось, а сам курфюрст попал в плен. Эта битва была величайшим триумфом не только императора, но и Альбы. Даже брат Карла, король Фердинанд, который сильно недолюбливал Альбу, вынужден был извиниться за недоверие и подозрительность.

Когда двенадцать лет спустя французский король Генрих спросил у герцога, как ему удалось добиться победы за такое короткое время, — не иначе, как для Иисуса Навина под Иерихоном, солнце опять остановило свой ход — Альба усмехаясь ответил, что в то утро у него было столько дел на земле, что не хватило времени проследить движение светил на небе.

Когда люди добиваются решительной победы, весьма полезно на какое-то время остановиться. Когда Карл, Альба, Иоганн Фридрих, да и весь мир считали, что ход событий решен, что выиграна не только битва, но и война, события продолжали развиваться, причем в пользу побежденных. Вскоре после Мюльберга Альба посоветовал, заняв Виттенберг, выкопать останки Лютера и развеять их по ветру. Карл ответил, что он воюет с живыми, а не с мертвыми. Но хотя Лютер и был мертв, протестантизм жил.

Впрочем, вначале напряжение не спадало. Саксонский курфюрст был в плену. Его передали герцогу Альбе для надзора и приговора. Как мятежник он был приговорен к смертной казни. Карл заменил казнь на пожизненное заключение. Жене узника, который жил в подобающем сану комфорте, разрешили посетить супруга. К ней отнеслись с глубоким уважением, так что она была крайне удивлена дружелюбием столь ужасных, судя по описаниям, испанцев, и прежде всего герцога Альбы. Князем стал Мориц, племянник курфюрста. Напрасно Альба предостерегал от этого шага, напрасно предлагал сохранить титул за находившимся в заключении Иоганном Фридрихом. Карл, который купил поддержку Морица за титул курфюрста, не хотел нарушать своего слова.

Второй лидер Шмалькальденского союза, ландграф Филипп Гессенский, также был захвачен в плен. В середине июня он прекратил сопротивление и обратился к Карлу с просьбой о пощаде. В тот же день его пригласили на обед к герцогу Альбе, но перед уходом внезапно окружили, а герцог потребовал у него шпагу. Эта сцена стала печальной прелюдией того, что двадцать лет спустя пришлось пережить в Брюсселе графу Эгмонту.

Тем временем Карл вернулся в Аугсбург, Альба же поехал сначала в Богемию и встретился в Праге с королем Фердинандом. Там начались восстания, которые, впрочем, после победы под Мюльбергом удалось легко подавить. Затем он отправился в Аугсбург к императору и оставался там до января 1548 года, принимая участие во всех важных совещаниях. Затем через Геную вернулся в Испанию за новыми поручениями, которые имели исключительно важное значение для габсбургской монархии. Ему предписывалось ввести при дворе Филиппа бургундский придворный церемониал, в связи с чем он был назначен главным мажордомом при дворе будущего короля.

Карл выбрал чопорный и строго формальный бургундский церемониал для своего испанского дворца, чтобы дать своему сыну единственное в своем роде положение. Несмотря на всю любовь к блеску и пышности, это противоречило духу испанских грандов, которые ощущали свое родство с тронном, а также желаниям испанского народа. Филипп, которому шел тогда 21 год, чувствовал себя подавленным. Герцог Альба, которому было поручено нововведение, тоже энергично сопротивлялся. Однако Карл в резких выражениях поставил его на место, и Альба вынужден был исполнять его волю. Создали бесчисленные должности с точным ранжиром, пустыми правами и обязанностями, и вскоре началась глупая погоня за должностями. Каждый считал себя обделенным приличествующими ему почестями, и Альба, которого упрекали в том, что он выпросил себе высшую должность, хотя именно он отговаривал императора, вновь стал объектом ненависти своих соотечественников и сословия.

С достоинством переносил он все нападки, упорно претворяя в жизнь указания, которые ему не удалось изменить. Вероятно, он был единственным кроме Филиппа, кто знал, что распоряжения Карла были связаны не только с Испанией, но и с намерением обеспечить Филиппу императорский трон вместо дяди Фердинанда или племянника Максимилиана. Некоторые историки считают, что эта мысль исходила не от Карла, а от Филиппа и что за спиной Филиппа герцог Альба был движущей силой. Все это более чем сомнительно. Во всяком случае, именно по инициативе Карла, для осуществления плана Филипп был призван в Нидерланды и Германию. Альба должен был сопровождать принца.

С глубоким недоверием покидал Филипп Барселону в начале октября 1548 года. Вначале он отправился в Геную, где его приняли с большой помпой. Император поручил ему обращаться с герцогом Альбой как с лицом, облеченным большими полномочиями; куда бы его ни приглашали, герцог должен был его сопровождать. Альба, однако, не принял этой почести; тем не менее он непрерывно работал над планами укрепления Испании. В Генуе он даже собрался построить цитадель для испанских войск, чтобы надолго обеспечить верность генуэзцев. Оттуда через Милан, Тренто и Германию он прибыл в Брюссель.

В Нидерландах, где, как прежде в Испании, Филипп переезжал с места на место, чтобы как будущий владыка принять присягу на верность, Альба был мостом между будущим королем и населением; часто он вместо Филиппа отвечал на обращения во время празднеств. Более года прошло подобным образом. Следующий год выдался в Германии таким же: переезды из города в город, где празднества сменялись перепалками из-за свиты. Однако результат был скудным; со вздохом облегчения покинул Филипп в мае 1551 года двор своего отца и возвратился в Испанию, куда в октябре прибыл герцог Альба, которому, к досаде Карла, после всех хлопот в путешествиях был предоставлен короткий отпуск для посещения дома.

Оценивая проведенное с наследником время, герцог вынужден был признаться перед самим собой, что для него оно было потрачено впустую. Роль придворного мало подходила ему и, кроме того, больше отвечала желанию императора, чем принца. Филипп мог ценить Альбу как полководца и советника своего отца, но привязан он был к молодому Гранвелле, который был избран епископом Арраса и стал первым политическим советником, и к Руи Гомесу де Сильве, который в четырехлетнем возрасте приехал в Испанию из Португалии и стал товарищем по детским играм Филиппа. Гибкая натура и дружелюбный характер сделали его важной персоной при дворе Филиппа, хотя Карл был о нем не слишком высокого мнения. Брак с принцессой Эболи еще больше укрепил его положение.

Как уже нередко случалось, пребывание Альбы на родной земле было преждевременно прервано. Произошло событие, которое Альба предвидел и которого опасался. Герцог Мориц Саксонский в результате долго готовившегося заговора предал императора, внезапно двинул войска с севера на Инсбрук, где находился Карл, и попытался захватить его. Измученный подагрой Карл бежал через Альпы и теперь призывал на помощь своих испанцев. Альбе пришлось спешно оставить жену и родину, мчаться к Филиппу, заложить драгоценности герцогини, чтобы иметь средства для вербовки войск, и затем ехать в Германию. Однако там

военная помощь не понадобилась. После затянувшихся переговоров — Альба тоже выступал за мирные соглашения — было подписано наконец временное перемирие в Пассау.

Достигнутое благодаря этому внутреннее спокойствие император смог использовать, пытаясь ликвидировать хотя бы одно из последствий предательства Морица. Мориц пообещал Франции — за ее поддержку — области Меца, Туля и Вердена. Отвоевать крепость Мец значило сделать первый шаг к возвращению всех остальных.

Как некогда при осаде Марселя, мнения о перспективе на успех разошлись. Вновь зашла речь об осаде. Тот факт, что именно этот город был сам по себе целью, побудил герцога, несмотря на печальный опыт осады и наступление неблагоприятного времени года, поддержать кампанию.

Экспедиция потерпела неудачу. Приготовления длились слишком долго и дали противнику возможность своевременно принять контрмеры. Оборона Меца была поручена молодому Франсуа де Гизу, который проявил необычайные тактические способности. Он приказал убрать из окрестностей скот и припасы, поэтому испанцы с самого начала остались без продовольствия. Взять крепость в кольцо полностью не удалось; в стане испанцев участились вспышки заболеваний, штурм один за другим терпели поражение. В конце концов Альба начал переговоры с Ги-зом, надеясь сломить его угрозами. Когда и это не подействовало, он послал в крепость людей, чтобы те подстрекали богатых горожан сдаться. Однако Гиз разгадал эту хитрость, принял тех, кто выдавал себя за перебежчиков, выказав уважение, и пригласил к столу. Затем, куда бы те ни направлялись, их постоянно сопровождал почетный эскорт, который делал невозможными частные разговоры, а значит, и выполнение замысла.

К Рождеству положение стало безнадежным. Солдаты-протестанты жаловались что герцог Альба ставит их на самые опасные посты, испанцы и итальянцы не выдерживали климата; сам Альба тоже заболел. Он ратовал за отступление, и после того как еще один штурм был отбит, в новом 1553 году оно началось. Защитник Меца Франсуа Гиз оказался единственным противником в жизни Альбы, равным ему в военном отношении.

Осада Меца была последней большой кампанией герцога Альбы в Священной Римской империи. В последующие годы все его внимание было направлено на Италию и Западную Европу. Испания, куда император послал его после краткого пребывания в Нидерландах, стала ему чуждой. Он без охоты явился ко двору Филиппа. Враждебность, которую он вызвал во время введения нового церемониала, не утихала. Более молодое поколение деятельно обхаживало будущего короля, а у герцога появилась мысль отойти от политики, что позднее сделал император. Однако честолюбие, жажда деятельности и чувство ответственности по отношению к Карлу, сыну которого он должен был служить, заставили его остаться на службе.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ В ИТАЛИИ

МИССИЯ В АНГЛИИ; ГУБЕРНАТОР МИЛАНА; ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ; ВОЙНА ПРОТИВ ПАПЫ; ПЕРЕГОВОРЫ С ФРАНЦИЕЙ

После краха своих планов наследования в империи и всей германской политики император Карл обратил свои мысли в другую сторону решив теперь сделать основой для будущего величия Дома Габсбургов атлантические страны. С этой целью он начал подготовку к брачному союзу своей кузины Марии, королевы Англии, и сына Филиппа. В июне 1554 года Филипп, которого отец сделал королем Неаполя и Милана, прибыл в Англию; его сопровождало высшее испанское дворянство во главе с герцогом и герцогиней Альба. Поручение, данное Альбе, было политического характера. Используя почти патологическую страсть сорокалетней Марии к Филиппу, который был на одиннадцать лет моложе нее, герцог вначале старался смягчить обоюдное неприятие между испанцами и англичанами, которых его соотечественники считали варварами, восстановить католическую религию и смягчить противоречия в самой Англии. Он поддержал примирение, по крайней

мере внешнее, между королевой и ее сводной сестрой Елизаветой, помог уладить религиозные волнения после восстания Томаса Уэйтса и вместе с женой ходатайствовал о помиловании мятежного семейства Дадли.

Несмотря на все усилия, его задача была невыполнимой из-за религиозных противоречий между испанцами и англичанами, а также экономической конкуренции между обеими странами и их претензий на господство в море. После полугодовой работы герцог обратился к императору с просьбой отозвать его и поставить во главе военных действий в Германии. Однако Карл отклонил эту просьбу. Лишь когда в следующем году было объявлено, что Мария беременна и от этого англо-испанского брака можно теперь ожидать столь необходимого для реализации планов Карла наследника, герцог получил возможность покинуть Англию и прибыть к Карлу в Нидерланды. Герцогиня же осталась при королеве.

После менее чем полугодового перерыва перед Альбой были поставлены совершенно новые задачи. Французы вновь вторглись в Италию, и Альба был назначен губернатором Милана и главнокомандующим всей Италии.

Вначале Карл отклонил кандидатуру Альбы. Ему казалось, что этот прямолинейный, ценимый им преимущественно как полководец человек не может быть дипломатом, способным справиться с итальянскими распрями. Кроме того, Альбе необходимо было предоставить полномочия, которые император прежде доверял только члену своей семьи. Однако за это высказался Филипп, который вскоре должен был стать преемником Карла и уже был королем Италии. Возможно, сыграли свою роль незначительные факторы, и прежде всего влияние Руя Гомеса, принца Эболи. Последний надеялся, что в решающий момент, когда новый властитель займет свое место, он сможет избавиться от опасного соперника, который своей бестактностью задел его честь. Он готов был скорее примириться с тем, что король удовлетворит желание Альбы иметь широкие полномочия, чем с тем, что тот останется при дворе.

Итак, Альба отбыл, получив должность, которая ему, почти 50-летнему, предоставляла доселе не виданную им самостоятельность. Однако начало было малообещающим. Впрочем, герцог был принят в Милане с радостью. Было известно о его неподкупности, хотя он и считался скупым. Терпели его гордость; чем более высокого мнения он был о себе, тем больший авторитет имела подчиненная ему область. То, что он небогат и не будет утопать в роскоши, утешало в осознании собственной бедности.

Однако о его политических и военных способностях существовали различные мнения. Многие боялись его искусства скрывать свои планы, стремления завязать дружеские отношения с не слишком любимой Венецией, а некоторые сомневались в его военном искусстве. Они считали, что Карл терпел его во главе армии лишь когда сам находился поблизости. Говорили даже, что герцогу было вручено письмо, адресованное «верховному командующему Миланом в мирное время и дворецкому — во время войны».

Когда Альба прибыл, ничего не было готово. Теперь нельзя точно установить, правда ли, что Эболи сорвал пересылку необходимых средств. Во всяком случае, уже через несколько недель Альба находился в таком положении, что опасался самого плохого и для Испании и для своей собственной персоны. В стране стояли французы. Ранее Альба похвалялся, что за несколько недель он очистит страну от врагов и освободит Пьемонт. Теперь проходил месяц за месяцем, не принося никакого прогресса. Приходилось снимать осаду за осадой; местечко Вульпяно, которое занимало ключевое положение на равнине По, попало в руки французов; войска бунтовали, драгоценности герцогини вновь пришлось заложить. Лишь перемирие, заключенное испанским и французским королями в другом месте и из-за других событий, вызволило герцога из положения, которое могло означать конец его карьеры.

Из-за своей занятости в Италии Альба не смог принять участия в событии, которое можно назвать одним из самых потрясающих в этом столетии: отречении императора Карла V. Оно произошло в Брюсселе в 1556 году, когда Карл передал управление Испанией и Нидерландами Филиппу. Альба больше не видел своего господина. Карл умер 21 сентября

1558 года в монастыре Сан Юсте в Испании. Даже Филипп не так долго хранил память о нем в своем сердце, как Альба. Тридцать лет, которые он провел в тесной работе с императором, были наиболее ценным периодом его жизни. На всю дальнейшую деятельность герцога легла тень, которая, несмотря на растущую власть, никогда не давала ему испытать подлинное удовлетворение. Когда император находился в Нидерландах в связи с церемонией отречения, Альба покинул Милан и, дополнительно облеченный званием вице-короля Неаполя, через Геную и Ливорно отправился в Неаполь. Готовилось событие всемирно-исторического значения — война между католичеством и папистами. Поводом послужило намерение папы объявить о лишении короля Испании папского лена Неаполя. Альбе было поручено вести эту войну.

Герцог знал, что подобное поручение не принесет ему мировой славы. Что означала бы победа? Разве мог он захватить Вечный город для короля Испании? Разве мог он сместить папу и в цепях отправить его в Мадрид? Альба должен был страшиться одинаково и победы и поражения. Необходим был гений великого полководца, чтобы довести подобное обоюдоострое предприятие до счастливого конца, и изворотливость великого политика, чтобы не лишиться того, что завоевал меч.

Свои дальнейшие действия герцог подстраховал заключением, которое Филипп вытребовал у высших католических сановников Испании и которое удостоверяло, что борьба против Рима справедлива, поскольку направлена не против папства, а против личности теперешнего владельца папского престола Павла IV. Альба не колеблясь использовал это заключение в любой возможной форме, чтобы избежать открытой враждебности и тем не менее достичь своей цели. Вооруженный им, слал папе одно послание за другим как и Филипп из Нидерландов. В одном из посланий он указывал на то, что папа призван быть «пастухом», а не «волком» христианского мира. Павел IV быстро расправился с несколькими гонцами, доставившими письма, приказав заключить их под стражу и даже подвергнуть пыткам. Поэтому Альбе, который ежедневно опасался прибытия в помощь папе французского вспомогательного корпуса, пришлось начать войну.

В сентябре 1556 года Альба оставил жену, прибывшую вместе с ним в Неаполь, и старшего сына Фадрике своими заместителями в Неаполе и отправился воевать. С пятнадцатью тысячами человек он вступил на территорию Папской области. Поскольку французы не появлялись, папа вскоре оказался в крайне затруднительном положении и Рим был бы для него потерян, если бы Альба мог решиться на нападение. Однако им все больше овладевал страх перед собственным успехом. Чтобы косвенным путем вынудить папу к уступкам, он двинулся против римской гавани Остия, осадил и захватил ее, но дальнейшие колебания помешали ему использовать победу и напасть на Рим. Вместо этого он заключил перемирие. Однако теперь действительно появились французы, и военные действия приняли новый оборот, ведь теперь речь шла о войне не только против папы, но и против Франции.

Под руководством Франсуа де Гиза, великого противника Альбы под Мецем, французская армия двинулась на Рим, встретила с армией папы и, отвоевав назад Остию, вторглась в Неаполитанскую область. Чтобы достойно встретить ее, Альбе пришлось использовать весь свой гений. Как и в шмалькальденском походе, он начал использовать тактику выжидания. Дав Гизу, которому мешали интриги при папском дворе, возможность приблизиться к удобно расположенному местечку Чивителла, он реорганизовал свое войско, завербовал союзников и обеспечил себе поддержку неаполитанцев и особенно их влиятельного дворянства. Затем он вынудил Гиза, который лишился симпатий сельского населения из-за мародерства своих солдат, снять осаду с Чи-вителлы, вошел в город под ликование населения и пожаловал ему привилегии, которыми город мог пользоваться целое столетие.

И в дальнейшем ходе войны Альба избегал какой-либо битвы. Он отвергал с пренебрежением любые победы, если они не приближали его к цели — выиграть войну. Возможно, он не обладал стратегическим гением, но показал необычайный ум и талант государственного деятеля — терпение.

Однако решение опять пришло извне. Как и в североитальянском походе, исход был предрешен событием, не зависевшим от действий Альбы. В то время как величайшие полководцы Европы противостояли друг другу в Италии, ведя войну, к которой оба чувствовали отвращение, — Альба, нападая на папу, которому он как главе церкви должен был целовать ноги, и Гиз, защищая его, хотя был брошен им в беде, — их военные действия, людей верных долгу и знающих свое дело, только растрачивали силы в чужой стране, — на другом конце Европы произошла битва при Сан-Квентине. Она принесла французам полный разгром, и герцогу Гизу пришлось учитывать то опасное положение, в котором оказалась Франция. Он предоставил Павла IV его судьбе, покинул театр военных действий, и в конце августа Альба вновь оказался перед воротами Рима.

То, что произошло дальше, неизвестно. Может быть, жители спугнули войска Альбы, которые собирались под покровом ночи войти в Вечный город, и они отступили; может быть, папские солдаты настолько бесчинствовали в городе, что испанцам уже не было смысла входить и грабить его; может быть, начало мирных переговоров предотвратило захват Рима, или же Альба опасался засады, когда его солдаты займутся грабежом; во всяком случае Рим не был захвачен, а в середине сентября 1557 года заключили мирный договор.

Безусловно мирные переговоры относятся к наиболее ставным делам как короля Филиппа, так и герцога Альбы. Они позволили побежденному диктовать им условия, отказались от завоеваний; даже были готовы возместить ущерб. Гордый герцог Альба публично на коленях просил прощения и получил отпущение грехов. Супруге герцога в знак возвращенной милости папы была передана Золотая Роза, а самому герцогу пожаловано освобождение от церковных налогов всех его имений.

Итак, поход Альбы закончился успехом не только политическим, поскольку папскому вмешательству в дела Испании был положен конец, но и личным. Укрепив свое положение, а не ослабив его, как ожидали его противники, герцог вначале вернулся в Неаполь, а затем отправился через Милан, где провел зиму, ко двору Филиппа в Брюссель. Он прибыл туда в июне 1558 года и был принят с величайшими почестями. За заслуги ему пожаловали подарок стоимостью 150000 дукатов.

В Брюсселе Альба пришел к выводу, что поход против Франции, который после победы при Сан-Квентине принес еще второй успех — под Гравелингом, — приближается к концу. Поэтому ему, стремившемуся к верховному командованию испанской армией, ничего не оставалось, как примкнуть к сторонникам заключения мира. В начале 1559 года ему было поручено возглавлять испанскую делегацию, которая заключила мир в Касто-Камбрези. Таким образом, второй раз в течение двух лет герцог Альба стал представителем победоносной Испании при заключении важного мирного договора. Однако сети договор с папой, основанный на отказе от войны, создавал длительную основу для взаимоотношений между Испанией и папой, то договор с Францией, заключенный под влиянием блестящих военных успехов, создавал только новые сложности.

В условия мира входил брак между овдовевшим к этому времени Филиппом и Елизаветой, дочерью Генриха II Французского. Обязанность представлять Филиппа при заключении брака выпала на этот раз герцогу Альбе, несмотря на все старания принца Эболи. Вместе с принцем Оранским и графом Эгмонтом он отправился в Париж как заложник для соблюдения мирного договора, как посредник в международных вопросах и как почетный гость, где на торжественном богослужении протянул принцессе Валуа руку в знак союза между Францией и Испанией.

В Париже Альба стал свидетелем трагедии, случившейся с королем Генрихом на турнире в честь свадьбы и ставшей причиной его смерти. Затем он возвратился к Филиппу, который тем временем отправился в Вальядолид. После более чем пятилетнего отсутствия он вновь ступил на родную землю.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ В ИСПАНИИ

ПРИ ДВОРЕ ФИЛИППА II; ВСТРЕЧА МОНАРХОВ В БАЙОННЕ; ИЗГНАНИЕ МАВРОВ ИЗ ИСПАНИИ

В 1559–1566 годах жизнь герцога Альбы была посвящена прежде всего большой политике. Его исключительное значение как полководца не могло подвергаться сомнению. Не заботясь о старых правилах и привычках, он снаряжал армии, командовал ими и побеждал. Он не был скован военными традициями. Его гения хватало для создания нового, его воля была крепка и положение достаточно прочно, чтобы проводить в жизнь планы и задумки. Однако он стремился прежде всего к положению государственного деятеля; в этом он видел венец своей деятельности.

Правда, в этой области проявилась недостаточная конструктивность его мышления. Он не был упрямым и негибким в политических делах, у него было достаточно дипломатического опыта, но ему была свойственна прямолинейность, которая хотя и дает ключ к пониманию его действий и даже может служить их оправданием в высшем человеческом смысле, в политическом смысле вредила ему. Здесь он не был оригиналом.

Было бы хорошо, если бы король Филипп мог противопоставить герцогу советников, обладавших современными взглядами и инициативой, но таковых у него не было. Способности принца Руя Гомеса как государственного деятеля также не были выдающимися. Он пользовался доверием короля, потому что тот видел в нем друга, в то время как Альба был для Филиппа советником, «которого из-за его гордости надо сначала покорить, а затем использовать его ум». Король постоянно давал герцогу почувствовать, что его милость — это большой, но не вечный подарок.

При таких обстоятельствах раскол в кабинете служил не столько благу страны, сколько амбициям обоих министров. Эболи не упускал ни одной возможности, чтобы резко или в шутку, на основании фактов мнений или же из соображений престижа противостоять герцогу. Когда англичане взяли Кале и Альба высказался за то, что бы город оставался у Франции, Эболи назвал это глупостью. Когда Альба отказался в Париже от гостевых подарков короля Генриха, Эболи утверждал, что он собирается получить вдвое больше от новой испанской королевы. Когда герцог советовал королю еще остаться в Нидерландах, Руй Гомес считал, что Альба хочет подвергнуть Испанию опасности, чтобы в качестве ее спасителя иметь возможность вести войну.

Примечательно, что, несмотря на такой разлад и осторожность Филиппа, влияние Альбы в эти годы было решающим. Ни к чьим советам Филипп не прислушивался в такой степени, как к советам герцога Альбы.

Впрочем, однажды Альбе пришлось попросить об отпуске. Он уехал в один из своих замков и, несмотря на просьбы Филиппа, вернулся лишь когда были удовлетворены его жалобы на королевского секретаря Эрасо, который поддерживал Эболи. Утверждали даже что из-за отсутствия Альбы застопорилось все управление. Однако это исключено, ибо, как бы ни было важно положение Альбы, Филипп никогда не позволил бы ему приобрести такое влияние.

Политика, которой следовал Филипп и вместе с ним Альба, как и все, что делал Филипп, «который решил стать нерешительным», согласно старому габсбургскому рецепту, была направлена на выжидание. Со Священной Римской империей Испанию связывали родственные и дружеские узы, у них никогда не было причин для споров. Сам Альба больше не бывал в Германии после отречения Карла V. В Италии Милан, Неаполь и Сицилия находились под крепкой властью Испании. С Генуей и Венецией существовали дружеские отношения; с Папской областью больше не возникало новых политических конфликтов. Бывшего противника Альбы, Павла IV, статуя которого римляне низвергли на следующий день после его смерти, сменил Пий IV, затем Пий V, и оба они поддерживали политику Испании.

С трудностями Альба сталкивался преимущественно в Западной Европе: во Франции, Англии и Нидерландах. Однако выхода из конфликтов этих трех стран с Испанией в области религиозных, экономических и национальных интересов Альба не находил. Особенно во

Франции, раздираемой гражданской войной, испанские и французские интересы противоречили друг другу. По логике вещей, Альба должен был поддерживать лотарингскую католическую партию семейства Гизов. Однако пока она была сильна и осуществляла экспансионистскую политику на средства Габсбургов, он должен был стремиться к ее ослаблению, даже если это означало усиление влияния для протестантско-гугенотской стороны под руководством адмирала Колиньи или для партии, руководимой молодым королем Карпом IX и его матерью Екатериной Медичи.

Только в 1564 году, когда казалось, что во Франции все силы находятся в упадке, испанцы смогли выработать целенаправленную политику. Чтобы проводить ее, было принято предложение французов о встрече Филиппа и Карла IX в присутствии королевы-матери Екатерины и ее дочери, испанской королевы Елизаветы. Ничего не характеризует положение герцога Альбы лучше, чем тот факт, что Филипп в последний момент решил не ехать сам, а послать вместо себя на эту встречу королей герцога.

О тайных переговорах, состоявшихся в 1565 году в Байонне, известно только то, что герцог Альба сообщил Филиппу. Точно известно, что встреча не принесла желаемых результатов. Екатерина и Альба были искусными дипломатами, но не политическими мыслителями. Герцог говорил о католической вере и той поддержке, которую она оказывала монархиям; королева говорила о браках и их преимуществах. Альба хотел урегулировать внутреннюю ситуацию во Франции, Екатерина вообще не хотела о ней говорить.

Французы отказались также от какого-либо обсуждения связи Франции с Турцией.

Когда участники встречи расстались, каждый из них был ошибочно убежден в глубоком впечатлении, произведенном им на другого. Хотя формально все было согласовано по желанию Альбы, однако большие усилия в действительности были потрачены зря. Даже если какие-то договоренности и были достигнуты, Екатерина их все равно не выполняла.

Так же мало успеха принесла и политика Альбы в отношении Англии. Красной нитью проходит английская проблема во всех расчетах Испании. Впрочем, воззрения Альбы на Англию отличались благоразумием. Как тогда, так и позднее, когда он правил в Нидерландах или Португалии, он отговаривал от предприятий, которые могли бы привести к конфликту с Англией. Но ни он, ни Филипп в эти первые годы после отречения императора Карла V не могли выработать четкой линии. Однако это становилось все более необходимым, поскольку интриги Англии оказывали все большее влияние на отношения Испании как с ее колониями, так и с Францией или Нидерландами.

Испано-нидерландские отношения начали именно тогда приближаться к критической точке. После отречения Карла там постепенно сформировалась оппозиция, справиться с которой не могли ни Филипп, ни Альба. В силу своей косности герцог Альба не в состоянии был предложить другое средство против опасных течений, кроме как подавить любое проявление недовольства силой. Когда в 1564 году было предложено отозвать кардинала Гранвеллу, главного советника Маргариты Пармской, поскольку из-за своей заносчивости и негибкости он вызвал в Нидерландах всеобщую ненависть, Альба воспротивился этому. Хотя его протест и не был учтен, но он характеризует его дипломатическое искусство. Тогдашняя позиция бросила тень на его дальнейшую политику.

Представляется неверным на основании широкого поля деятельности герцога делать вывод, что он — учитывая значимость Эболи — был ведущей фигурой в Испании. Ибо существовала область, в которой Филипп сохранял особое положение: внутренняя политика. Он постоянно помнил инструкции отца, который рекомендовал отстранить испанских грандов от влияния на внутренние дела. Даже герцогу Альбе лишь изредка дозволялось преступать черту.

К этим редким случаям относилось обсуждение судьбы мавританских родов, которые еще жили на юге страны. Инквизиция требовала их обращения в христианство, народ хотел их изгнания или уничтожения. Религиозный фанатизм соединялся с воспоминанием о многолетней вражде и с алчностью.

Герцог Альба, будучи членом комиссии по проверке положения на юге страны,

энергично выступал против всех предложений силового решения. Суровость была его прирожденным качеством, твердость — излюбленным средством. Но несправедливость возмущала. Им руководила не мягкость, как, возможно, принцем Эболи, который в этом вопросе выступал на его стороне, — скорее, его предостерегало внутреннее чувство.

Показательно, что в отличие от большинства внешнеполитических проблем было принято именно то решение, против которого выступал герцог Альба. Решение Филиппа определили отношения с турками, которые оказывали поддержку маврам и вновь продвигались вперед. Со времен Карла турецкая опасность для Испании вновь увеличилась. Вначале турки отвоевали Триполи, затем Тунис; теперь они находились перед Мальтой. У самого Альбы неоднократно просили совета по поводу защиты Мальты, а в декабре 1565 года он даже разрабатывал детальные военные планы, которые помогли защитить остров. Однако турецкая опасность продолжала существовать, и даже герцог Альба ошибался, предлагая мягкое обращение с маврами. Поэтому, когда Филипп принял решение, он как и всегда в своей жизни, отдал все силы и способности для его выполнения. Он одобрил назначение верховным главнокомандующим дона Хуана Австрийского, сына императора Карла и девушки из регенсбургской бюргерской семьи Барбары Бломберг, и помог ему тщательно разработанными планами и военными указаниями. Однако в самих операциях он не участвовал, поскольку ему было дано самое значительное и, по своим последствиям, самое важное политическое задание, которое только могло появиться во второй половине XVI века: борьба с восставшими Нидерландами.

ПРАВИТЕЛЬ НИДЕРЛАНДОВ

НАЗНАЧЕНИЕ; ПРИБЫТИЕ В НИДЕРЛАНДЫ; ПРИЕМ В НИДЕРЛАНДАХ; ПЕРВЫЕ ДЕЙСТВИЯ; ПОХОД ПРОТИВ ПРИНЦА ОРАНСКОГО; ПОБЕДА

Если бы герцог Альба не прибыл в Нидерланды, его имя вряд ли было бы сегодня более известно, чем имена Гонсальвеса де Кордовы, Пескары или Антонио де Лейвы. Испанцы имели бы еще одного усердного соотечественника в этом столетии, которое дало так много великих личностей. Но репутация, завоеванная в Нидерландах, придала ему всемирно-историческое значение.

Было бы неправильно считать герцога Альбу и его поведение причиной того, что восстание в Нидерландах приняло такой огромный размах. Он был всего лишь инструментом испанской политики.

События начались в Мадриде. После того как проблема Нидерландов уже много лет вызывала разногласия в Государственном совете, в 1566 году Филипп вновь созвал своих министров, чтобы посоветоваться о необходимых мерах. На совете, как обычно, противостояли друг другу партии Альбы и Эболи. Оба отдавали себе отчет в тех трудностях, которые вызвала бы любая попытка решения. Обоим достаточно хорошо были известны религиозные проблемы, национальные противоречия, личные амбиции, социальная напряженность в Нидерландах, так как и Эболи и Альба провели во Фландрии много лет. Однако знания приводили их к различным заключениям. Не то чтобы Эболи был готов на большие уступки, а герцог Альба требовал суровости после покорения; цель у них была одна: подчинить Нидерланды воле Филиппа, поддержать католицизм путем введения инквизиции и создания новых епископатов, занятия руководящих должностей испанцами и привлечения доходов для укрепления позиций Испании в мире. Однако герцог Альба высказался за меры, поддерживаемые готовой к удару армией, а другие, под руководством Эболи, защищали политику переговоров и выжидания. В конце концов Филипп согласился на применение строгих мер, которые рекомендовало меньшинство. Альбе было поручено их исполнение, и в середине апреля 1567 года он покинул Мадрид, чтобы вначале провести два дня при дворе в Аранхуэсе, а затем отправиться в путь.

В Аранхуэсе между ним и наследником престола инфантом доном Карлосом произошла неприятная сцена. Их взаимоотношения уже длительное время были

напряженными. Герцог видел в принце недостойного потомка любимого императора. Принц ненавидел его с тех пор, как в 1560 году во время принесения знатью присяги на верность наследнику Альба опустил традиционное целование руки, — нарушение которое могло считаться только намеренным оскорблением. Когда теперь герцог явился к нему, чтобы проститься согласно обычаю, дон Карлоса, который сам питал надежды стать правителем Нидерландов и мечтал о славе и свободе, охватил гнев. Он ринулся на полководца, которому пришлось удерживать его, пока не подросла помощь.

Из Аранхуэса Альба прибыл в Картахену, чтобы собрать там первую часть своего войска. Его охватили противоречивые чувства: он думал о возрасте, состоянии здоровья (его мучила подагра), славе, положении при дворе и своем, возможно ускользающем, влиянии на короля. Однако он думал также о долге перед религией и королем и об интересах своей семьи, которой он мог быть полезным благодаря своему положению в Нидерландах. И действительно, среди участников нидерландской экспедиции мы видим почти дюжину членов дома Толедо, среди них все три сына Альбы, которые друг за другом прибыли в Брюссель. Особо выделялся среди них одноглазый дон Фердинанд Альварес де Толедо, внебрачный сын мельничихи, приор ордена св. Иоанна в Кастилии, который позднее стал вице-королем Каталонии, а в 1587 году вошел в Государственный совет Филиппа. Менее способным был сын и наследник Альбы дон Фадрике де Толедо, герцог Уэска и гроссмейстер ордена Аль-кантары; его поведение в отношении женщин повредило не только его собственной карьере, но и карьере отца, и ухудшило и без того плохие отношения между фламандским и испанским дворянством в Нидерландах. План Альбы оставить его в Нидерландах своим преемником не удался. Последним прибыл третий сын Альбы, дон Диего, коннетабль Наварры; его роль в истории незначительна.

Хотя все предприятие казалось герцогу полезным для продвижения своих родственников, он не питал надежд на финансовые выгоды. Скорее, следовало опасаться убытков, и действительно, позднее, как уже не раз бывало ему пришлось пожертвовать частью своего состояния ради Филиппа.

При таких обстоятельствах Альба готовился с удвоенной тщательностью. Он приказал выдать солдатам легкие мушкеты, снабженные отдельной опорой, которые закреплялись на штативе. Такие мушкеты, по которым их обладателей стали впоследствии называть мушкетерами, вошли позднее во всеобщее употребление.

После некоторых размышлений Альба решил не перевозить своих солдат океанским путем, где их подстерегали бури и трудности при высадке во Фландрии, а избрать сухопутную дорогу. Обычный поход через Францию ему также пришлось исключить, поскольку французский король под давлением гугенотов, несмотря на дипломатические переговоры, не разрешил прохода. Герцогу удалось добиться согласия лишь на то, чтобы его беспрепятственно пропустили через Бургундию и Лотарингию и таким образом он мог выйти к границе Священной Римской империи. Ему пришлось выбрать путь по Средиземному морю до Генуи, оттуда через Альпы в Бургундию и, наконец, в Нидерланды.

Альба вез с собой три важных документа: во-первых свой патент генерал-капитана; во-вторых, удостоверение на право самостоятельно принимать решения в спорных вопросах между ним и правительницей Маргаритой Пармской; в-третьих, полномочия на случай ее отставки. Впрочем, придворные недруги герцога позаботились о том, чтобы инструкции были как можно более детальными, о чем Альба весьма сожалел.

В начале мая 1567 года в Картахене Альба погрузился на корабли до Генуи, где он по-новому разделил свою армию, состоявшую из десяти тысяч конных и пеших солдат. Вся колонна должна была составлять около двадцати тысяч человек, частью конные, частью пешие, включая обоз, в который входили жены солдат и сотни девиц легкого поведения.

В начале июня армия двинулась из Генуи. Через Алессандрию она дошла до Асти. Там герцогу пришлось задержаться на десять дней из-за подагры и лихорадки. Затем армия беспрепятственно проследовала через Савойю. Единственный раз только трое наемников позволили себе нарушить дисциплину и были строго наказаны, а один из них даже казнен. У

подножия Мон-Сени герцог разделил армию на три группы. Они следовали друг за другом с интервалом в один день, так чтобы к вечеру каждая могла дойти до лагеря предыдущей группы. Альбе удалось избежать опасности раздробления своей армии, сэкономить средства, быстро продвигаться вперед. Самого его несли впереди в паланкине, Изредка он передавал приказы через своего сына Фердинанда.

Четырнадцать дней длился переход через Альпы. Он остался в анналах военного искусства как нечто выдающееся. Опасности тяжелой дороги, плохой погоды и внезапного нападения, а также страх перед горами, который испытывали суеверные солдаты и сопровождающие, были преодолены благодаря спокойствию, собранности и разумности распоряжений герцога, и 24 июля армия достигла Бургундии, лишь незначительно ослабев. Все, что было необходимо армии, оплачивал Альба. Он не щадил лишь французские владения принца Оранского, которые попадались на пути.

В Бургундии и Лотарингии герцог постоянно подвергался угрозе со стороны французов. Хотя их король отказался от нападения на испанское войско, несмотря на настояния гугенотов, он все же позаботился о том, чтобы французская армия в шесть-восемь тысяч человек сопровождала испанцев, соблюдая определенную дистанцию, и наблюдала за ними. Кроме того, угроза нависла со стороны Женевы, о чем Альба, очевидно, не подозревал. В Бургундии он получил от папы настойчивое послание ни в коем случае не отказываться от намерения разрушить эту опаснейшую твердыню еретиков. Однако чтобы достичь Нидерландов, сохранив свои силы, Альба не пошел на это, женевцы, не чувствуя себя достаточно подготовленными, также не отважились вступить в бой.

Итак, войско без потерь дошло до Люксембурга. Там к нему должны были присоединиться еще восемь тысяч германцев. Среди них было много протестантов, кстати, некоторое их количество было уже и среди испано-итальянских основных войск. Однако Альба смотрел на это сквозь пальцы, даже на сопровождение их лютеранскими проповедниками, поскольку он знал, что в Нидерландах католики часто объединялись с лютеранами для совместной борьбы против кальвинистов.

В Люксембурге Альбу приветствовала делегация нидерландского дворянства. Граф Эгмонт также был среди них. Нарушение этикета, вызванное язвительным замечанием Альбы, было, к удовольствию Эгмонта, оставлено без внимания. Принц Вильгельм Оранский прислал лишь длинное вежливое приветственное письмо, сам же в силу необходимости отправился в свои германские владения.

Перед своим собеседниками герцог Альба подчеркивал, что он прибыл не в качестве нового правителя, а как человек, пролагающий путь королю Филиппу, для прибытия которого уже снаряжают суда. Сомнительно, верил ли он сам в то, что говорил. В любом случае сразу же со всей энергией принялся за выполнение своей задачи.

В его деятельности можно выделить много этапов. Эти этапы не определялись заранее им или Филиппом. В гораздо большей степени ход событий, даже если, с исторической точки зрения, он представляется как единый процесс, предопределялся реальными каждодневными событиями, когда происходило нечто, не предусмотренное заранее.

Прибытия герцога ожидали с напряжением, но без отрицательного настроения. Народ вообще мало задумывался о смене руководства. Чувствовались страх перед его строгостью и опасения из-за возможной религиозной нетерпимости, но вместе с тем теплилась надежда, что благодаря ему наконец наступит порядок, который обеспечит мир и оживит торговлю.

Правительница Маргарита Пармская и ее советники, естественно, ожидали прибытия Альбы со страхом. Герцог в свое время уже высказывал сомнения по поводу назначения Маргариты, но теперь его прибытие наверняка означало конец ее деятельности. Более оптимистично была настроена часть дворянства, включая Ламораля, графа Эгмонта. Он рассчитывал на свой всеми известный безупречный образ мыслей и большие заслуги перед королем при Сан-Квентине и Гравелингене и, несмотря на предостережения, отказался покинуть родину.

Иначе повела себя небольшая часть дворянства. Во главе ее стоял Вильгельм, принц

Оранский. И ранее-то не выказывая открыто своей враждебности, он предпочел вначале не вторгаться в сферу власти Альбы. Впрочем, Альба не испытывал к нему недоверия, как король и Гранвелла. Он ценил его как любимца Карла V и считал, что достаточно хорошо его знает по совместной работе при заключении мирного договора в Като-Камбрези. Еще в 1560 году принц Вильгельм обратился к нему как к «старому другу», чтобы тот помог получить унаследованную недвижимую собственность на юге Франции, и через год сердечно благодарил его за содействие.

Первые шаги Альбы не давали каких-либо оснований судить о его дальнейших намерениях. Его въезд в Брюссель прошел с большой помпой, но он постоянно подчеркивал, что является лишь вторым лицом, а Маргарита — подлинная правительница. Первый визит был нанесен ей. От беседы тянуло холодком. Маргарита не скрывала досады и разочарования. Герцог, напротив, внешне был очень любезен, но в деловых вопросах строг и непреклонен. Он изложил ей свои военные задачи и дал понять, что, кроме того, имеет и более широкие полномочия. Примечательно то, что рассказывают об этой беседе на вопрос, какого рода эти полномочия, он ответил, что сейчас точно вспомнить не может, но надеется от случая к случаю их припоминать.

Затем Альба принялся за работу. Он начал 5 сентября 1567 года с учреждения следственного суда — «Совета о мятеже», который народ прозвал «Советом крови». «Совет о мятеже» имел в политической сфере те же задачи, что и инквизиция в религиозной, то есть преследование и устранение мятежных умов. Его задачей были допросы и сбор доказательств; приговор выносил председатель — герцог Альба.

С самого начала совет вызвал всеобщую ненависть из-за последовавшего через четыре дня после его учреждения ареста графа Эгмонта и графа Горна, а также антверпенского бургомистра Стрелена, приглашенных для обсуждения вопроса об укреплении Антверпена. Маргариту заранее не оповестили об этом событии; ответственность взял на себя герцог Альба. С королем Филиппом было согласовано, что следует «отсечь главы», дабы лишенный руководства народ вновь привести к смирению. Процесс против Эгмонта начался еще до учреждения «Совета о мятеже». Филипп согласился с предложениями Альбы о том, как обойти привилегии Эгмонта, который был рыцарем ордена Золотого Руна.

В остальном деятельность «Совета крови» была вначале не слишком обширной. Альба не спешил применять строгие меры, в гораздо большей степени он старался, как и во время боевых походов, подавить основное сопротивление, вызвав у противника страх своими приготовлениями и репутацией. Лишь на второй год приговоры с гали многочисленнее, но и тогда количество их составляло от 6 до 18 в месяц.

Затем он заложил крепость в Антверпене — этому жители города успешно сопротивлялись при всех властителях уже в течение столетия.

Следующим шагом герцога было послать вспомогательный корпус для поддержки католической партии во Франции. Эта мера стала последней, с которой пришлось смириться Маргарите Пармской как правительнице, проводившей политику невмешательства. Вскоре она покинула свой пост, и Альба стал во главе тринадцати провинций. Его полномочия, с самого начала детально расписанные, постоянно расширялись; он распоряжался как истинный правитель. В мае 1569 года король даже уполномочил его самостоятельно вести переговоры со всеми царствующими домами и князьями. Впрочем, Альба все докладывал королю точнейшим образом; и хотя, после того как герцог послал в Испанию наемных офицеров, король пожаловался, что Альба скоро будет считать Испанию страной, в которой он может издавать законы по своему усмотрению, в первые годы не было случая, чтобы Филипп не согласился с его мероприятиями.

Герцог уделял много внимания также улучшению управления страной. Он принял меры по унификации мер и весов, равному налогообложению всех классов и честному правосудию.

Поскольку герцог всеми своими действиями выказывал осмотрительность и предосторожность, а также избегал крайностей, то нидерландские дворяне, бежавшие за

границу, были разочарованы в своих надеждах на восстание населения против испанского режима и взялись за оружие, чтобы нарушить восстановленный покой. Они добывали деньги, нанимали войска и готовили нападения с севера и юга. Под Хейлигерли, на севере Нидерландов, ими была одержана внушительная победа (в этой битве погибли брат принца Оранского и один из генералов Альбы). Однако сказывалось отсутствие способных командиров, которые сумели бы правильно использовать победу, и единства действий двух армейских групп, кроме того, не было поддержки со стороны населения. Гнет испанцев оказался не более сильным, чем гнет соотечественников.

Однако восставшие вынудили Альбу решиться на суровые действия. Так, он активизировал процесс против Эгмонта, который тянулся уже давно, и приговорил графа и его друга Горна к смерти. Несмотря на протесты князей и членов ордена, 6 июня 1568 года, через 14 дней после поражения испанцев, оба были казнены. Известно, что герцог Альба, не пожелавший смотреть на это, в слезах метался по своему дворцу. Позже он вступился за вдову и детей Эгмонта, как и за других членов семей тех, кто стал жертвой его действий. Хотя и в этом, и в других случаях им владели человеческие чувства, тем более что физическое состояние причиняло ему длительные страдания, его понимание службы королю и религии побуждало к насильственным действиям.

После столь наглядного урока Альба отправился на театр военных действий. Несмотря на привычку не выступать против более сильного противника, у местечка Гемминген на Эмсе он вступил в битву. Мушкетеры сыграли свою роль, ландскнехты восставших быстро обратились в бегство, и в то время как Альба не потерял и сотни человек, почти половина вражеского войска погибла в волнах Эмса и прилегающих болотах.

Затем герцог обратился против южной армии, которой командовал сам принц Оранский. Хотя Альба и не смог воспрепятствовать ее переходу через Маас, большего восставшие не достигли. У них не было продовольствия, которое Альба приказал перевезти с равнины в крепости, не желавшие впускать принца Оранского. Долгожданная помощь от французских гугенотов не пришла, а попытка навязать Альбе битву не удалась. Потерпев неудачу, принц Оранский в октябре был вынужден отступить и искать убежища на французской территории. Его войско, не получив обещанной платы, рассеялось. Так и не приняв боя, Альба вновь блестяще выполнил свою задачу.

Еще до подавления восстания Альба, ссылаясь на плохое состояние здоровья и неблагоприятный климат Нидерландов, попросил отозвать его. Он повторил теперь эту просьбу, по праву сославшись на то, что «еще ни один король не имел в Нидерландах столько власти, сколько Филипп теперь», и со свойственной ему ясностью добавил, что сам в высшей степени нелюбим. В конечном счете, он ничего не сделал для того, чтобы это изменить.

То, что Филипп не удовлетворил этой просьбы, было наверняка первой и самой большой ошибкой, которую он сделал, пытаясь сохранить свое господство в Нидерландах. То, что сам он в этой ситуации не прибыл в Брюссель, было его второй ошибкой. Альбе пришлось терпеливо выжидать, будучи облеченным высокими почестями — среди прочего были шляпа и шпага, которыми папа отметил его к Рождеству 1568 года, что полагалось лишь правящим князьям и было передано ему во время торжественной мессы в Брюсселе в следующем году.

Возможно, у Филиппа на основании сообщений Альбы сложилось неверное представление о положении в Нидерландах и он считал, что победа над восставшими решила все. Очевидно, таким было и мнение герцога. Характерной для его менталитета является статуя, которую он сам себе воздвиг в Антверпене и которую выполнил фламандский скульптор Йонгелинг. Все в ней должно было символизировать строгое и справедливое правление. На постаменте выгравировано:

Фернандо Альваресу де Толедо, герцогу Альбе, правителю Нидерландов при Филиппе II, который подавил восстание, разбил мятежников, восстановил религию, обеспечил право, установил мир. Вернейшему слуге лучшего из королей.

Памятник, отлитый из пушки, простоял на своем месте в Антверпене лишь несколько лет. Он раздражал короля, вызывал зависть Эболи, и преемник Альбы Реквезенс приказал его убрать; позднее он был опять перелит в пушку. Впрочем, в эти довольно непосредственные времена было принято воздвигать себе памятники при жизни. Папы и бюргеры, меценаты и князья заказывали изображения и чувствовали себя вправе прославлять свои дела. Несмотря на это, современники Альбы расценили появление статуи как недостойный знак высокомерия и с удовлетворением восприняли ее исчезновение. Несколько позже преподобный Морильон, которому мы обязаны многими сведениями о деятельности Альбы, написал Гранвелле то, что печально противоречит надписи на памятнике:

«Что бы из этого ни вышло, герцог Альба оставит потомкам плохую память о себе».

ВТОРОЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НИДЕРЛАНДАХ

УПРАВЛЕНИЕ НИДЕРЛАНДАМИ; АМНИСТИЯ; НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ; ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ; НОВЫЙ ВСПЛЕСК ВОССТАНИЯ; ПОРАЖЕНИЕ ПРИНЦА ОРАНСКОГО; ОТЪЕЗД АЛЬБЫ

После того как герцог Альба победил, но не мог рассчитывать ни на отзыв, ни на прибытие Филиппа, он предпринял новые изменения в управлении. Он создавал одно учреждение за другим, еще и еще, все более не отвечающие желаниям нидерландцев, пока, наконец, народ не начал воспринимать происходящее как тиранию (которой вначале не было) и спор с испанской Коронай из-за отдельных привилегий не вылился в настоящую борьбу за свободу.

Три роковые ошибки герцога обусловили переход к силовым методам: после своей победы он продолжал считать нидерландцев мятежниками; не объявил всеобщей амнистии; обложил непомерными налогами. Альба укрепил военную власть и разместил гарнизоны по всей стране, заполнил судебные инстанции и органы управления людьми, чьи профессиональные способности имели меньшее значение, чем их благонадежность. У политических противников он конфисковал земли и деньги, высылал и даже казнил их. Были открыты школы, насаждавшие испанские идеи, ограничены путешествия за границу, запрещена учеба там. Герцог лично выдавал разрешение на иностранные паспорта. Все эти меры получили безоговорочную поддержку Филиппа: «Я не мог бы сделать ничего лучшего, чем не мешать вам управлять», — писал ему монарх.

Неблагоприятное воздействие бессмысленных учреждений еще больше увеличилось за счет строгих порядков. Количество процессов росло. Для тех, кому удалось бежать, устанавливались сроки, чтобы предстать перед судом герцога, в противном случае приговор выносился заочно. В семьях посеяли раздор. Совершались зверства, распространялась бессовестная клевета на всех, процветала болезнь доноительства.

Однако выводить из этих мер заключение непосредственно о характере герцога Альбы и его взглядах было бы неверным. Как и для Кальвина в Женеве, строгость была для герцога Альбы принципом, жестокости он не хотел. В тех формах, которые оба создавали, они видели единственный путь к порядку. Альба приступал к созданию новых учреждений с большими колебаниями. Свою судебную систему он сначала ввел только в городе Арнеме в Голландии; новую систему управления опробовал сначала в Гронингене; новый кодекс страхования для заморской торговли был разработан для Антверпена; запрет подозрительных сочинений был введен только в части страны. Меры Альбы ни в коем случае не были направлены только против иноверцев. Так, он ограничил права католического духовенства распоряжаться церковными землевладениями, обратился к Филиппу и к папе с жалобой на распущенность слуг церкви, а позднее даже предложил продавать ценные предметы культа, с тем чтобы вырученные средства губернатор мог использовать на восстановление истинной религии.

Альба хотел объявить амнистию сразу же после казни Эгмонта, но затем решил

приурочить ее к визиту Филиппа, который так и не состоялся. Позднее Альба считал более мудрым постоянно держать мятежное население под угрозой. Так прошел весь 1568 год. Герцог многократно требовал от своих советников проекты амнистии, но так и не решился объявить ее. Лишь получив от короля различные предложения по амнистии, он вновь вернулся к этой мысли, но опять последовала отсрочка.

В конце концов в марте 1570 года Филипп энергично потребовал объявления амнистии, и в середине июля 1570 года — почти три года спустя после прибытия Альбы — она была объявлена в Антверпене. Впрочем, помилований было мало, а перечень исключений очень длинный. Хотя Альба и утверждал, что из четырех поступивших к нему проектов он выбрал самый мягкий, но добавил к нему две оговорки, которые его ужесточили. Оригиналы проектов утрачены, поэтому нельзя сделать более точное заключение, но остается фактом, что неполная амнистия сказалась на Испании хуже, чем проигранная битва, и ответственность за это несет Альба.

Самой роковой ошибкой герцога Альбы было введение колоссальных налогов. Разумеется, деньги должны были вноситься самой влиятельной частью населения, купцами. Вопрос о налогах был следствием денежных затруднений короля, которого Альба уже второй год держал в ожидании необходимых средств. Вскоре король потребовал поступлений из Нидерландов, заставив тем самым герцога прибегнуть к жестким мерам. После долгих совещаний и длительной переписки Альба вынужден был решиться установить налог на имущество в размере одного процента, на продажу земельных участков — пять процентов и налог с продажи — десять процентов. Хотя купцам после долгих переговоров удалось добиться замены налога с продаж на единовременную выплату двух миллионов дукатов, их дела понесли непоправимый урон, а симпатии — исчезли.

Сомнительно, чтобы герцог Альба при введении различных мер полностью отдавал себе отчет в их фундаментальном значении. Действительно, в некоторых отношениях он действовал скорее в русле старых воззрений, не соответствовавших духу времени. Выступал за усиление центральной власти вместо феодальной раздробленности. Пытался ограничить права дворянства, основанные на традиционных привилегиях и препятствующие энергичному управлению государством. Его усилия были направлены на то, чтобы создать крепкую законную и финансовую основу для осуществления управления. Для этого было необходимо заменить налоги и службу (в духе средневековых отношений между королем и вассалом), которые осуществлялись добровольно и постоянно заново согласовывались, на установленные властителем твердые платежи, которые обязан был производить подданный (в духе современных конституций государств).

Давление, оказанное на все слои населения, привело к эмиграции в больших масштабах. Поток эмигрантов устремился из тринадцати провинций в соседние страны, где началась подготовка сопротивления режиму, установленному Альбой. Принц Оранский, поклонник Макиавелли, взяв дело в свои руки, сумел направить их волю в единое русло. Его связи доходили до тайного кабинета короля Филиппа, из карманов которого агенты Оранского похищали письма герцога и правительницы Маргариты. В борьбе против него Альбе пришлось вступить на путь, который все больше отдалял от поставленных целей. Его положение ухудшилось, уважение к нему падало. Даже подвластные ему территории и народ начали чувствовать по изданным распоряжениям и действиям испанцев, что их уверенность уменьшилась. Бедность порождала ожесточение. Денег опять не хватало, двухмиллионный доход из Нидерландов в королевскую казну не поступил, солдаты начали роптать. Чем жестче меры, тем решительнее становилось сопротивление. Казалось, все рушится, а герцог «был вне себя от ярости». Участились, причем в самые решающие моменты, приступы лихорадки, а из-за подагры он испытывал длительные боли.

Хотя Альба вновь просил об отставке, Филипп тянул с решением несколько месяцев. Наконец назначил преемника — герцога Медину-Сели, но напрасно Альба ждал его прибытия. В 1571 году он ежемесячно повторял свою просьбу, опять же напрасно, хотя ему казалось, что с середины года в письмах Филиппа сквозит недовольство его правлением.

Дело вновь затянулось, когда Мадридский двор выработал с неким Ридольфи план убийства английской королевы Елизаветы, и Ридольфи сам прибыл к герцогу с его изложением. Хотя папская анафема создавала правовую основу для этого, Альба не спешил давать согласие, поскольку считал Ридольфи непригодным, а английских соучастников под руководством герцога Норфолка неспособными. Он был против любого хода Испании, пока план не приведен в действие. Однако до этого не дошло, поскольку Елизавета получила сведения о заговоре и приказала арестовать Норфолка.

Теперь королю Филиппу хотелось больше всего, чтобы Альба со своим войском погрузился на суда и открыто напал на Англию. Однако герцог считал опасность поражения и его последствия для Испании слишком значительными. Возможно, он также недооценивал перспективы Англии на будущее, которые улучшались в той мере, в какой падало промышленное и финансовое значение Нидерландов. Альба гораздо больше заботился о том, чтобы поддерживать официальные отношения с Англией. Ему даже удалось уладить давний спор, возникший из-за испанских судов с деньгами, которые захватили англичане.

В сентябре 1571 года у герцога вновь случился тяжелый приступ подагры, и он опять напомнил о Медине-Сели. Однако тот не прибыл и через полгода. А герцога ожидало множество новых обязанностей. Он вел откровенную переписку о состоянии университетов и церкви во Фландрии с ученым-мыслителем Ариасом Монтано. Филипп постоянно пользовался его советами во внешнеполитических вопросах. Он также переписывался с доном Хуаном Австрийским, который был назначен главнокомандующим флотом против турок. Альба, очень обрадованный этим назначением, послал ему подробные советы, которые внесли вклад в великую победу на море у греческого побережья при Лепанто. Альба сходил с доном Хуаном во мнении, что, учитывая основательные резервы Османской империи и ненадежность собственных союзников, момент для нападения на столицу турок, которого все ждали, еще не пришел.

К политическим и военным обязанностям добавлялись и другие. Более месяца занял прием Анны, дочери Максимилиана II, когда она задержалась в Нидерландах по пути в Испанию для бракосочетания с Филиппом. Герцог надеялся сопровождать ее в Испанию и тем самым завершить свою деятельность. Вместо этого он получил приказ остаться, и Анну сопровождал его сын Фердинанд, так что герцог потерял свою самую надежную опору.

Много времени и энергии он потратил на Барбару Бломберг, бывшую возлюбленную императора Карла и мать Хуана Австрийского. Тщетно Альба пытался отправить Барбару, завалившую его бесчисленными жалобами и претензиями, в Испанию. Говорили, что бесстрашный Альба «как огня боялся» Барбару Бломберг и она стоила ему больших нервов, чем политические события в Нидерландах.

1 апреля 1572 года маленькая гавань Бриль на побережье была захвачена теми, кто называл себя морскими гёзами.¹ Этот внезапный удар внес новый элемент в развитие событий — войну на море. Он вызвал перелом в военной ситуации, поскольку тем самым англичанам был открыт путь к постоянной поддержке Нидерландов, в то время как Альба ничего не мог противопоставить морякам.

На этот раз восставших быстро поддержали. Роттердам, Флиссинген, Энкхейзен, Валансьенн, Монс отпали от испанцев, с трудом удалось избежать утраты Миддельбурга. В это время принц Оранский начал новое наступление. Личная непопулярность Альбы, амнистия и налоговые законы стали причиной кризиса, которого он опасался и пытался избежать, передав власть более мягкому преемнику.

Французские гугеноты также были готовы к действию. Под руководством адмирала Колиньи и Жанны д'Альбре, матери будущего короля Генриха IV, им удалось после

¹ Гёзы (голл.) — оборванцы. Жители Нидерландов, восставшие против своих угнетателей, называли себя так, демонстративно подчеркивая, что они выходцы из народа и с гордостью противопоставляя себя надменным испанским аристократам (*прим. ред.*).

заклучения перемирия с католической партией создать боеспособный фронт и заручиться поддержкой Англии. После этого они, с одобрения католиков и французской Короны, занялись тем, что стали вредить Испании в Нидерландах. Альба узнал об их намерениях, когда к нему в руки попало письмо короля Карла IX принцу Оранскому. С его стороны требовались срочные меры. Тем временем прибыл наконец Медина-Сели, однако командование осталось в руках Альбы, а Медина-Сели получил приказ исполнять его распоряжения. Это вскоре привело к напряженности в отношениях, тем более Медина-Сели знал, что после отъезда Альбы, по совету герцога, предусматривается ограничение его полномочий.

Нападение принца Оранского началось в середине 1572 года. На этот раз его поддержало население страны, суровое правление Альбы возродило дух свободы и любовь к родине. Сразу же целый ряд городов примкнул к нему. Вскоре вся северная часть страны перешла под его руководство. Власти, поставленные Альбой, были смещены, и только для проформы принц Оранский сохранил господство Филиппа.

В этот критический момент к герцогу Альбе пришло спасение, как уже не раз бывало в его жизни. Громом среди ясного неба прогремела весть о Варфоломеевской ночи в Париже. Французская партия гугенотов была разгромлена ужасным образом, Франции предстояла новая внутренняя борьба, и принцу Оранскому неоткуда стало ждать помощи. Предоставленный самому себе принц был разбит под Жемаппе. Армия его брата, окруженная сыном Альбы Фадрике, вынуждена была сдаться. Армия принца Оранского рассеялась. От двадцати пяти тысяч человек, с которыми выступил принц Вильгельм, осталось семьдесят всадников, которые возвратились с ним.

Несмотря на успех, герцог не питал иллюзий относительно истинного положения вещей. Он прекрасно понимал, что ему помог случай, на который он не имел влияния. Альба знал также, что даже после отступления принц Оранский имеет сильную поддержку в северных провинциях, что принц теперь — совершенно не тот, что прежде. Тяжелая жизнь выработала в нем целеустремленность, стойкость и терпение, которые далеко опережали время. Он понял тенденции будущего, был «спокоен в штормящем море». Альба вновь писал в Мадрид: «Ненависть, которую все питают ко мне, есть результат суровых наказаний, кои я вынужден был применять, и она делает напрасными все мои усилия. Преемнику было бы легче».

Однако преемник, Медина-Сели, отбыл, выдержав в Нидерландах менее полугода. Правление было вновь поручено Альбе, поскольку Филипп, как и прежде, считал его единственным, кто сможет преодолеть трудности. Филипп не услышал, как тот взывал к нему за два дня до Рождества 1572 года: «Я умираю от голода, я истратил все, что имел мне больше не на что жить. Отзовите меня!»

Вероятно, герцог Альба спокойнее смотрел бы в будущее, если бы у него было достаточно средств для продолжения борьбы и особенно для содержания флота, который был необходим. Правда, еще до окончания отступления принца Оранского сдались Монс, Мехельн и другие важные пункты на юге страны. Увенчались успехом также мероприятия Альбы на побережье: была снята осада с Тергеца. Даже на севере после героического сопротивления пришлось сдаться Зютфену, а затем Наардену. Однако эти успехи не помогли. Ибо где бы ни появлялись теперь испанские наемники, начинался страшный грабеж, а то, что хотели нидерландцы — мир и порядок, Альба уже не мог обеспечить.

Важнейшим пунктом, вокруг которого вскоре все стало вращаться, оказался Харлем. Семь месяцев длилась борьба за город. Дон Фадрике, которому Альба поручил командование, неоднократно хотел отказаться от осады. Однако отец писал ему: «Если мой сын снимет осаду, то он уже не мой сын. Если он погибнет, я займу его место. Если я погибну, то из Испании приедет герцогиня Альба и займет мое место». Зимой герцог даже заказал тысячи пар коньков и приказал солдатам научиться на них передвигаться, чтобы взять город, окруженный со всех сторон водой. Лишь 14 июля 1573 года удалось его захватить. Это была самая последняя, самая разорительная, самая ненужная победа. Не

только срок его службы приближался к концу, но и цель войны — сохранение Нидерландов для Испании все больше отодвигалась.

Уже в январе 1573 года Филипп выбрал преемника герцогу Альбе — дону Реквезенса де Цунига, который сделал все возможное, чтобы отказаться от этой чести, но король был непреклонен, и в ноябре Реквезенс прибыл в Брюссель.

Герцог, находившийся в Амстердаме, поспешил передать ему правление. Рассказывают, что ему пришлось покинуть город ночью, чтобы избежать требований своих кредиторов за расходы, на которые ему пришлось пойти ради Филиппа. Всем, что у него имелось, он давно пожертвовал, так же как и двумястами тысячами дукатов, которые, к возмущению Филиппа, он одолжил у герцога Флорентийского. В последний год он занимался исключительно Нидерландами и, как утверждали в Англии, с легкостью сохранил бы их для Филиппа, если бы получал деньги из Испании. Однако нельзя не осознавать серьезности положения. Вероятно, испанское господство внешне могло бы сохраняться, но не в том виде, какого хотел Филипп и какой отстаивал Альба.

В конце ноября произошла официальная передача власти Реквезенсу. Из-за подагры и лихорадки еще на несколько недель был отложен отъезд Альбы. В сопровождении семи рот он выехал затем из Брюсселя через Лотарингию, Бургундию, Савойю и Пьемонт к Генуе — тот же путь он проделал в обратном направлении шесть с половиной лет назад, полный надежд, забот и доверия.

С отъездом герцога Альбы борьба за Нидерланды утрачивает интерес, выходящий за пределы войны, восстания и смерти. И в последующее время она требовала мужества и жертв с обеих сторон. Но уже перестала быть символом борьбы между новой свободой и старым порядком, когда прекратилось противостояние между принцем Оранским и герцогом Альбой. Дон Реквезенс был способным человеком, так же как и его преемник дон Хуан Австрийский. Преемник же последнего, Александр Фарнезе Пармский, был настоящим гением, который действительно спас Южные Нидерланды для испанской Короны. Однако все они пытались установить новый порядок, в то время как Альба сражался за сохранение существующего, пусть даже при форме правления, напоминающей будущий абсолютизм.

Никто не понимал различия между прошедшим и наступающим лучше, чем принц Оранский. Уже в 1568 году он опубликовал «юстификацию» против герцога Альбы. В 1581 году он обобщил в апологии все, что двигало обеими сторонами, и утверждал, что после переговоров Альбы с Генрихом II Французским по поводу истребления протестантов он отвернулся от католицизма. Герцог отнял его поместья, сына-первенца отправил в Испанию. Герцог отказал Нидерландам в свободе совести и установил грабительские налоги, так что он, принц Оранский, вынужден был защищать свою страну. Поэтому борьба продолжалась.

Как бы убедительно и ясно ни противопоставлял принц обе стороны друг другу, все же в его мыслях неизбежно присутствовала некоторая неуверенность. Он, представитель нового и свободного, должен был бояться будущего, ибо неизвестна цена его порядка. Мышление Альбы имело под собой твердую основу. Он мог не только апеллировать к праву, но и верить в непоколебимость своего дела, которое оправдал многовековой опыт. И все же правым оказалось дело принца Оранского, а не Альбы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСПАНИЮ

ПРИЕМ В ИСПАНИИ; РАБОТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ; ВСТРЕЧА В ГУАДАЛУПЕ; ССЫЛКА

Жадно ожидали все дворы Европы, вице-короли и высшие сановники Священной Римской империи первых сообщений о возвращении и приеме, оказанном полководцу и правителю. Герцогиня Альба неустанно заботилась о своем муже во время его отсутствия и теперь подготавливала его прибытие. Драматизм встречи, которая приближалась, достиг высшей точки. Дверь королевского кабинета закрылась за почти семидесятилетним прославленным герцогом... и никто не узнал, что же произошло за ней. Можно, вероятно,

сделать заключение, что напряженность момента была снижена за счет нерешительности короля. Точно нам известно лишь одно: после возвращения Альбы все продолжало идти как и прежде. Он молча занял свое прежнее место при дворе. Теперь меньше тревожили интриги противников, поскольку Руй Гомес Эболи умер за год до этого. Вместо него влияние на короля оказывал теперь секретарь Антонио Перес, и хотя он не был другом Альбы, в то же время не был и его соперником, как Эболи.

Вопрос о том, насколько велико было стремление герцога не только занять свое прежнее место, но и приобрести свое прежнее влияние, остается открытым. По-видимому, он сообщил королю, что предполагает в будущем остаться дома и в тишине и спокойствии предаваться мыслям о Боге. Однако Филипп пожелал, чтобы он и дальше продолжал служить своему господину.

В последующие годы при дворе часто прибегали к советам Альбы, особенно в отношении Нидерландов. Дон Реквезенс показал себя там не слишком удачным преемником. Он прибыл в Нидерланды с лучшими намерениями, и хотя хвалил герцога Альбу в своих письмах, сам собирался действовать иначе. Однако инструкции Филиппа, за которыми стоял постоянно предостерегающий от мягкотелости Альба, мешали ему взять новое направление. Вскоре в провинциях его возненавидели больше, чем Альбу.

Филипп все же придерживался рекомендованного Альбой курса, и следует признать, что дни герцога были заполнены не только церемониальными обязанностями, как, например, при крещении будущего Филиппа III, но он продолжал оставаться самым авторитетным советником короля. Насколько велико было его влияние, стало видно после смерти Реквезенса в марте 1576 года. Волнения и напряжение, которые, будучи на седьмом десятке, Альба выдерживал в течение шести лет, уже через два года оказались непомерно тяжелы для Реквезенса, а ведь он моложе на двадцать лет. Опять нужно было искать преемника. Раздавались голоса за то, чтобы вновь назначить герцога. Однако он, по-видимому, высказался в пользу принца дона Хуана Австрийского, несмотря на многочисленные сомнения. Он и после своего возвращения из Нидерландов постоянно переписывался с ним и считал его как члена королевского дома наиболее удачной кандидатурой из-за его авторитета полководца и дружелюбного характера. В течение восьми дней Филипп совещался с Альбой по вопросу о преемнике Реквезенса. В конце концов он отбросил опасения в том, что честолюбие молодого жизнерадостного сводного брата может побудить его к созданию в Нидерландах собственного королевства, и назначил Хуана правителем.

Но и дону Хуану задача оказалась не по плечу. Ему было поручено проводить политику примирения, но было уже слишком поздно. Принц Оранский быстро понял, что у противника нет необходимых средств воздействия. Впервые после прибытия Альбы чаша весов качнулась в сторону восставших. Испанцы теряли одну провинцию за другой, пока не пришлось наконец отдать и Брюссель. Принц Оранский пышно въехал в город, где он отсутствовал десять лет.

Однако успех нидерландцев не был окончательным. В 1578 году принц Александр Фарнезе Пармский прибыл с новыми испанскими вспомогательными войсками, и вскоре ему удалось наголову разбить нидерландцев вблизи местечка Гемблур. Дон Хуану не удалось пожать плоды этой победы. Александр Фарнезе нашел его в состоянии, достойном сожаления, и сын императора Карла покинул мир в возрасте 33 лет.

Со смертью дона Хуана закончилось прямое влияние Альбы на судьбу Нидерландов. Теперь решающей силой стал новый правитель — Александр Фарнезе Пармский. Однако у герцога, который уже представлял интересы Габсбургов во многих странах, появилось новое, последнее поле деятельности в Португалии.

Португальский трон занимал племянник Филиппа II дон Себастьян. В 1574 году он предпринял удачный, хотя и незначительный, «крестовый поход» против мавров в Северной Африке. Чтобы повторить его в большем масштабе, он попросил помощи Филиппа.

В конце 1576 года оба короля встретились в Гуадалупе, на полпути между Мадридом и португальской границей. Альба сопровождал Филиппа и, памятуя собственный африканский

опыт, играл ведущую роль. Он самым сердечным образом встретил дону Себастьяна, который внешним обликом и характером напоминал своего деда, Карла V. Однако вскоре возникли разногласия, поскольку Филипп не был готов поддержать предприятие Себастьяна. Вспоминая неудачи экспедиции Карла в Алжир, он и Альба опасались, что небольших сил португальцев будет недостаточно для успеха. Разногласия еще больше усилились, когда Альба преувеличенной гордостью пытался возместить недостаток своего влияния. В оскорбительных выражениях он заявил, что для победы необходим такой полководец, как он. И зашел настолько далеко, что даже предложил свои услуги при условии, что Себастьян подчинится его командованию.

Встреча в Гуадалупе представляет собой лишь краткое вступление в заинтересованность герцога Португалией. Впрочем, его пророчества оправдались: молодой король, который в 1578 году отправился в Африку, был не только наголову разбит, но и сам погиб. Однако на встрече в Гуадалупе Альба вызвал неприязнь не только у него, но и у Филиппа, который пытался избежать какого-либо вмешательства Испании и теперь начал обходить герцога на советах. Постепенно вокруг Альбы образовалась пустота. Однако он еще состоял в переписке со многими сильными мира сего. Изгнанный из Шотландии епископ Росский просил его, чтобы Филипп оказал поддержку Марии Стюарт. Английский посол Кобхем совещался с ним по поводу усиления католицизма в королевстве Елизаветы. Генерал де Авила обсуждал с ним политику дону Хуана в Нидерландах. Его занимали смуты во Франции и созданная там Католическая лига. Но перед ним более не ставили значительных задач. В совещаниях по поводу преемника дону Хуана Альба больше не принимал участия. В конце концов осложнения, виновником которых стал его сын Фадрике, привели к тому, что он полностью отошел от дел.

Фадрике, любовные истории которого уже неоднократно вызывали раздражение Филиппа, поддерживал отношения с придворной дамой королевы. Королева потребовала, чтобы он на ней женился, но тот отказался и был после этого сослан. Однако отец поддержал его, разрешил ему жениться на кузине Марии де Толедо и для бракосочетания тайно прибыть в замок Альба. Филипп был возмущен таким самоуправством, а также поведением герцога, противоречившим придворному этикету, когда он без разрешения проник во дворец и в комнату короля, чтобы добиться аудиенции. В начале января 1579 года он сослал старого герцога в замок Узедо и приговорил дону Фадрике к строжайшему аресту.

Напрасно хлопотали о помиловании папа, император Священной Римской империи, Генрих Французский, а также жена Филиппа королева Анна. Король оставался непреклонен. Давно зревший гнев, причина которого, возможно, крылась в независимости Альбы, нельзя было смягчить, его постоянную ревность, которую он всегда проявлял и в отношении других советников и опор трона, нельзя было успокоить. Жалобы придворных также повлияли на решение Филиппа. Почти все считали, что имеют повод жаловаться на Альбу, почти каждый чувствовал себя обойденным им. Дело не только в том, что он занимал высшие посты; его слава и способности были причиной того, что отпала необходимость в их советах и услугах. К этому добавлялась антипатия к дону Фадрике, которого, как и его отца, желали оскорбить и опозорить браком, не подобающим его положению.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ ПОРТУГАЛИИ

ПОВТОРНЫЙ ПРИЗЫВ; ПОДГОТОВКА К ВТОРЖЕНИЮ; ЗАХВАТ ПОРТУГАЛИИ; ПРАВИТЕЛЬ ПОРТУГАЛИИ; ОТСТАВКА И СМЕРТЬ

Казалось, что деятельность Альбы завершена. Он прожил не одну, а почти две жизни. Будучи лишь на несколько лет моложе императора Карла, он вполне мог после его отречения закончить свои труды. Вместо этого он начал новую жизнь при Филиппе. Последующие 20 лет он служил ему вплоть до ссылки в Узедо, но и она не стала заключительным штрихом.

72-летний герцог был призван вновь. Он должен был завоевать для своего короля трон несчастного Себастьяна, преемник которого умер в 1580 году, не оставив прямых

наследников. Настолько неожиданным был этот призыв, что кое-кто из составителей хроник чуть было не закончил жизнеописание Альбы его ссылкой. Настолько значительным был триумф, которого добился старый полководец на своей последней войне, что поздние исследователи считают поход против Португалии подлинной вершиной его карьеры.

Королю тяжело далось решение еще раз призвать герцога Альбу, ибо оно означало признание того, что равных ему нет. Сразу же начались новые интриги против герцога. Шептались, что возвращение Альбы означает не только его освобождение, но и, само собой, освобождение его сына, а это подорвет авторитет Филиппа. Вспоминались неудачи Альбы в Нидерландах, его высокомерное поведение, невыносимая гордость, в которой он позволял себе ставить условия самому королю. Многие даже предрекали, что Альба будет вести войну вяло, чтобы отомстить королю.

Однако болтовня придворных недоброжелателей не смогла повлиять на Филиппа. В феврале 1580 года он надменно и без всяких извинений послал герцогу ясный приказ, что, если состояние здоровья тому позволяет, он должен явиться для принятия на себя командования. Таким же четким, как приказ Филиппа, было повиновение герцога Альбы. Не известно, на самом ли деле он из ссылки тайно пытался воздействовать на короля, чтобы тот начал войну за португальскую Корону, поскольку для герцога это создало бы возможность реабилитации и нового назначения, но точно известно — имели место досужие домыслы, только в активной деятельности он видел смысл жизни. Пожалуй, старик достаточно ослаб, чтобы самостоятельно надеть доспехи, сесть на коня. Но даже если он садился в седло только с помощью слуг, то воля подстегивала тело. До восьми часов в день приходилось ему ездить верхом в последней кампании, как того требовала служба.

В конце марта 1580 года Альба отправился в Льерену, к северу от Севильи. Там следовало сформировать войско; необходимо было позаботиться о средствах, утвердить маршрут, обеспечить вооружение, организовать обслуживание, подготовить тяжелую артиллерию, изготовить и распределить порох, заложить пограничные укрепления. Был оборудован госпиталь, пересмотрены вопросы подчиненности и ранга офицеров. Вновь идалго и кабальеро прибывали со всем своим персоналом для обеспечения роскошного времяпрепровождения, как будто полководец никогда не показывал примера в подготовке и ведении войны, и вновь пришлось отослать назад около пяти тысяч лишних людей. Кроме Альбы не было никого, кто отважился бы на подобные реформы. Ко всему прочему герцогу было поручено также командование флотом, поскольку это была единственная возможность обеспечить согласованность его действий с сухопутной армией. Наконец, возникла необходимость в переводчике, чтобы переводить приказы герцога на португальский и обеспечивать пропаганду. Ибо Альба использовал запутанность политического положения, которое никому из претендентов на трон не давало бесспорных прав и вместе с тем предоставляло возможность каждому обосновать свои притязания. Он убежденно выступил за законные права Филиппа и повел широкомасштабное пропагандистское наступление, позаботившись о поддержке со стороны папы, перетягивании на свою сторону португальского дворянства с помощью денежных подношений, и о том, чтобы избежать народного голосования, с помощью которого хотел стать королем самый опасный соперник Филиппа, дон Антонио, племянник последнего португальского короля. Когда все же состоялось голосование в пользу Антонио, Альба попытался с помощью пропаганды по крайней мере уменьшить португальское сопротивление. Только после таких приготовлений он использовал армию, чтобы подтвердить право силой.

Перед вступлением в Португалию Альба устроил перед королевской четой парад, который должен был подтвердить его примирение с королем. Филипп, со своей стороны, не мог избежать давления обстоятельств и без всякой просьбы со стороны Альбы приказал освободить Фадрике.

Назначения Альбы было достаточно, чтобы повергнуть противника в страх и наполовину выиграть кампанию. 1 июля, через несколько дней после выступления, из Порталегре и Эстремоса на границе пришли первые победные реляции. День за днем армия

продвигалась в глубь Португалии. На этот раз герцог отказался от своей привычки относительно небольшой, высоко дисциплинированной и по возможности хорошо оплачиваемой армии. Он на вербовал так много солдат, что португальцам пришлось с самого начала оставить мысль об обороне. Как обычно, в своем последнем походе он пытался избежать ненужных битв. Там, где речь шла о войне, он все еще проявлял подвижность ума, которая отличала его на юге Германии, в Италии, Нидерландах и делала способным постоянно менять стратегию неожиданно для врага. Его последний поход также был своего рода шедевром.

Несмотря на напряжение и физические страдания, Альба должен был регулярно посылать отчеты королю, поскольку Филипп сразу же начинал жаловаться, если их не было, как, например, перед решающей битвой под Алькантарой. Герцогу необходимо было держать в неведении папу, дабы устранить его вмешательство, и папских легатов, прибывших к нему в военный лагерь. В его задачу входило принимать сложные решения относительно обращения с доном Антонио, португальским народом и союзниками Португалии, прежде всего Англией. Он должен был держать в узде свое войско и карать за грабежи, не доводя вместе с тем солдат до мятежа из-за нерегулярной выплаты жалованья.

Так он передвигался от одного города к другому, пока, наконец, на побережье, недалеко от Лиссабона, не произошла решающая битва. Не будучи в состоянии сесть на лошадь, герцог руководил битвой из своего кресла. С помощью флота ее блестяще выиграли. Следствием стало вступление войск в Лиссабон 25 августа 1580 года. Грабежи были опять строго запрещены. Хотя Лиссабон от них спасти удалось, но тем свирепее бушевали наемники в предместьях.

Через пять дней после взятия Лиссабона герцог попросил отозвать его. Задача была выполнена. В течение восьми недель он завоевал территорию, которая почти удвоила испанское королевство. Состояние здоровья и возраст вынуждали к отставке, да и предстоящие дела требовали скорее правителя, чем генерала. Однако Филипп вновь воспользовался тактикой, которой он следовал в Нидерландах: отклонил прошение Альбы и назначил его правителем. Вынуждаемый обстоятельствами, он уже до этого постоянно расширял полномочия герцога. В июле они распространились на политическое управление, и в конечном счете герцог правил в Португалии вместо короля без каких-либо ограничений.

Если Альба мог сказать, что король выжал его как лимон, то с наибольшим основанием это можно отнести ко времени правления в Португалии. Состояние здоровья ухудшилось, но служба требовала невозможного. Граф Порталегре, присланный к нему в помощь, не был поддержкой, а сам Филипп постоянно откладывал запланированный визит, как некогда в Нидерландах. В октябре 1580 года пришлось начать новый поход, поскольку дону Антонио удалось собрать свежую армию, с которой он собирался удерживать не занятый еще север Португалии. Напрасно Альба назначал награду за его голову, как некогда за голову принца Оранского. Более года еще продолжались военные действия, пока сопротивление не было окончательно сломлено.

В декабре в Лиссабоне разразилась эпидемия чумы. Старый герцог попросил разрешения покинуть город. Но и эту просьбу король отклонил, заметив, что присутствие Альбы в недавно завоеванном городе слишком важно, чтобы изыскать возможность для передачи полномочий. В то время как Филипп отдал приказ регулярно сообщать о количестве смертей, чтобы самому не подвергнуться опасности во время путешествия, он утешал Альбу тем, что, судя по полученным сведениям, речь идет вовсе не о чуме, а об обычных расстройств, пусть и со смертельным исходом.

Итак, на Альбу вновь обрушились бесчисленные заботы, знакомые ему еще по Нидерландам. Вновь пришлось изыскивать источники доходов, чтобы пополнить казну; вновь войска бунтом и грабежами вызывали у населения ненависть к испанскому господству. Вновь Альба обменивался с двором бесчисленными проектами по поводу всеобщей амнистии, не приходя к согласию. И опять же осложнялось примирение победителей и побежденных.

К уже известным присоединились новые: вопросы персональные и колониальные, положение мавров и евреев, которые бежали из Испании в Португалию, обсуждение взаимоотношений объединенного теперь Иберийского полуострова с Алжиром, экономические сложности, касающиеся ввоза серебра с южноамериканских рудников. Постоянно неприятности возникали из-за Англии. Вначале Альбе, вопреки его воле, по приказу Филиппа пришлось снарядить экспедицию для поддержки ирландцев. Когда ее постигла неудача, ему пришлось разработать предложения по отправке против Елизаветы мощной армады, а потом даже заниматься планом укрепления единственного известного прохода из Атлантического океана в Тихий.

В то время как герцог напрягал свои последние силы, чтобы решить бесчисленное количество задач на службе у короля, его врагам при дворе удалось нанести ему новое оскорбление. Поступили жалобы на казнокрадство и распределение большой суммы в качестве вознаграждения между солдатами Альбы, и Филипп распорядился начать расследование. В Лиссабон прибыли двое проверяющих. Но на этот раз Альба не стал сдерживать возмущения. Он заявил прибывшим, что отдаст королю свою славу, свои победы, завоеванные им страны, а если и этого будет мало, отдаст ему свои имения, своих сыновей, самого себя, но не допустит расследования. Офицеры единодушно присоединились к нему, и позиция армии стала угрожающей. Проверяющие вынуждены были убраться после рассмотрения нескольких частных случаев, которые подтвердили беспочвенность обвинения, и Филипп не осмелился продолжить расследование.

В июле 1581 года король собственной персоной прибыл в Лиссабон, где в торжественной обстановке подтвердил права страны и взошел на трон Португалии. Он взял правление в свои руки, и Альба наконец-то в последний раз ушел с высокой государственной должности.

Герцог больше не вернулся в Испанию, остался рядом с Филиппом. Измученный физическими страданиями, он прожил последние месяцы своей жизни в покое и уединении.

Об этом времени есть несколько свидетельств, прежде всего письма духовника Альбы дона Луиса де Гранада к герцогине, которая из-за болезни оставалась в Испании. Альба мечтал, как и его любимый император, который уже 25 лет покоился в земле, полностью удалиться от мира. Но этого не произошло. Однако, как и Карл, он в конце своей жизни созерцал мирскую суету только как сторонний наблюдатель. При дворе в Лиссабоне он появлялся редко, в принятии решений больше не участвовал. Он согласился только составить памятную записку, посвященную испанской политике, которую представил на утверждение королю, но она не привлекла внимания Филиппа.

Чем меньше места занимали текущие события: в мыслях Альбы, тем больше он думал о спасении души. Он обсуждал со своим духовником трудные вопросы. Преданному сыну церкви, ему случалось поднимать против нее меч. Он неустанно служил королю, но часто сердился на него, а однажды даже отказался повиноваться. Его гордость переросла в суровость и жестокость. Евангелие любви вынуждено было уступить место догме и служить мирской выгоде.

Современники утверждают: подобные мысли настолько мучили его, что король Филипп, узнав об этом, велел передать умирающему герцогу, что того не должна мучить совесть за действия, которые он совершил на службе своей стране и повелителю, выполняя его приказы, поскольку ответственность за это перед Богом несет он, Филипп.

Тем временем тело герцога становилось все более немощным. Окружающие, должно быть, испытывали смятение, зная, что герцог — символ надменности, железного спокойствия и беспощадной суровости — стал совсем как младенец. В последние дни его кормили женским молоком, чтобы хоть чуть-чуть продлить ему жизнь.

Альба умер 11 декабря в Томар, недалеко от Лиссабона, во время приступа подагры у него отказало сердце.

Луис де Гранада писал герцогине, что покойный постоянно повторял ему три вещи: что самое маленькое и незначительное поручение, которое давал ему король он исполнял прежде

собственных самых важных дел; что хотя и умирает без долгов, но всегда проявлял больше заботы о финансах короля, чем о своих собственных; что какое бы предпочтение он ни оказывал тому или иному человеку, никогда не предлагал его для службы королю, не будучи уверен, что лучшего найти нельзя.

Лейтмотивом его жизни была верность долгу в том смысле, как он это понимал, как это было принято в его время, как это предписывала церковь и королевская власть, — верность в ущерб душе.

Сразу после смерти Альбы в Лиссабон прибыл его сын Фердинанд де Толедо, чтобы позаботиться о погребении. Тело было перевезено в монастырь Сан-Леонардо де Альба де Тормес. На следующий год рядом с супругом легла герцогиня, и, согласно завещанию, каждую годовщину битвы при Мюльберге там служили мессу. Позднее пятый герцог Альба перенес саркофаг в склеп Сан-Эстебан в Саламанке; это произошло 13 ноября 1619 года.

С тех пор прах великого герцога покоится там.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскоре после смерти Альбы преподобный Морильон писал Гранвелле: «На совести герцога Альбы несколько дурных поступков, совершенных, по моему мнению, в силу жестокости и несправедливости, и я не знаю, сумеет ли он оправдаться там, куда теперь ушел».

Если бы мы нашли в себе смелость судить, подобно Данте, то куда бы определили герцога Альбу? В рай — в награду за верную службу, за то, что хотел исполнять волю Господа? Или в чистилище — место для тех, кто хотел добра, но шел по кровавому пути? Или в ад — для неумолимых, тех, кто присвоил себе право Божьего суда, судил и наказывал и кто был лишен того, в чем больше всего нуждался, — милости?

Непосредственность, с которой вершил свой суд Данте, осталась в прошлых веках. Жизнь герцога Альбы представляет собой звено цепи, без которого не могло быть выполнено предназначение, которое привнесло разносторонность целого в рамки его существа.

Что произошло с делом Альбы?

Его первое, самое благородное задание заключалось в борьбе против турок, неверных. Ради этой цели его отец пожертвовал жизнью. Она же привела 32-летнего Альбу в Венгрию, Тунис, позднее в Алжир. Борьба занимала его, когда было принято решение об изгнании мавров из Испании, руководила им, когда он был советником в походе на Лепанто, и владела почти семидесятилетним во время переговоров с доном Себастьяном в Гуадалупе. Эта работа принесла свои плоды. Опасность благодаря его победе была устранена. Европу спасли от османского ига, укрепили западноевропейский менталитет.

Второй этап службы герцога был посвящен католицизму. Он вел в Германии борьбу против лютеран, победил при Мюльберге, боролся против кальвинистов в Нидерландах и победил еретиков в лице дона Антонио и Англии, которая поддерживала португальца. Результат был двояким. Борьба осталась незавершенной. Католицизм и протестантизм продолжали сосуществовать, символом чего стали Нидерланды, которым Альба уделял особое внимание.

Третий этап службы был направлен против Франции. Когда то он сказал, что французы охотно жертвовали бы одним глазом, лишь бы Испания потеряла оба. Семилетним мальчиком он начал войну в Наварре продолжил ее в Фуэнтерабиа; он стоял под Марселем, в Перпиньяне, под Мецем, в Милане и Неаполе и на границе с Нидерландами; в Португалии он дал отпор амбициям французов. Война была напрасной. Империя Габсбургов развалилась, и в следующем столетии возвысились Бурбоны.

Та служба, которую Альба сослужил Испании в борьбе за Нидерланды и в конфликте с Англией, не принесла желанных плодов. Англия превзошла испанский флот и захватила господство на море. Половина Нидерландов в конце концов освободилась от испанского владычества. У Испании остались лишь те провинции что были некогда самыми цветущими,

но уже тогда им пришлось уступить северным провинциям, несущим свежий дух предпринимательства.

А что произошло в результате последнего дела Альбы, завоевания Португалии? Испания царила там 60 лет. Но из-за недальновидных экономических и политических мер она не смогла наладить длительную связь между двумя иберийскими державами на взаимовыгодной основе. 1 декабря 1640 года в течение нескольких часов дело Альбы было уничтожено. Португалия вновь обрела независимость, один из прежних соперников Филиппа II, принц Браганса, взшел на трон.

Таков двойной портрет Альбы. Он жил во время, которое благоприятствовало людям, свободно развивавшим свое дарование. Ему также удалось использовать время. Наследник великой традиции, одаренный от природы и обуреваемый неутомимой жадой деятельности, он с ранней юности и до глубокой старости постоянно находился в трудах. Но немногим успехам ему довелось радоваться. Победы в Тунисе и Мюльберге, которые были вершиной его жизни, очень быстро превратились в противоположность, поскольку турки и протестанты вскоре возместили свои потери. Успех в борьбе против папы был куплен ценой унижения, а триумф в Португалии отбрасывал темные тени в будущее. В Нидерландах он отстаивал не только старые порядки, но и был провозвестником грядущего века абсолютизма, и его учреждения непременно должны были принести ему признание; но даже здесь его достижения не были оценены. В большинстве своих действий он руководствовался самыми значительными идеями, которые олицетворяли испано-католический мир на исходе Ренессанса; но именно там, где он пытался их осуществить, ему было отказано в успехе. Он был сыном XVI столетия, но слова Гуттена: «Какая радость — жить!» — не о нем. Как и другие, он отдавал должное радостям бытия и его красоте. Ему нравилось участвовать в празднествах, герцог ценил произведения искусства и музыку, собрал прекрасную коллекцию оружия и был очень привязан к своей семье. Однако большая часть его жизни прошла в ратных трудах вдали от родины. Жену свою он видел лишь изредка, а наследник принес ему одни разочарования. Альбе было отказано в удовлетворении.

Династия Альба сыграла решающую роль в подъеме испанского королевства. Половину тысячелетия они трудились для него, сражались за него, руководили им. Почти два столетия занимали первые места в государстве. С Фернандо Альбой, третьим герцогом, величие рода достигло высшей точки. В последовавший затем период нисхождения высшие посты оказывались, в основном, в других руках.

Пятый, девятый и двенадцатый герцоги в следующие три столетия тоже удостоились высокого сана, но Испания, которой они служили больше не была той мировой державой, за которую некогда сражался их великий предок. В начале XIX века титул перешел к герцогам Бервик, ведущим свое происхождение от Марии Стюарт, и в их доме ныне продолжает жить род Альба.